Труды Зоологического института РАН
Том 323, № 3, 2019, с. 155–186
10.31610/trudyzin/2019.323.3.155

УДК 929:594

«Русский гражданин шведского происхождения»: материалы к биографии В.А. Линдгольма

М.В. Винарский [1, 2]

[1]*Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб. 7/9, 199034 Санкт Петербург, Россия; e-mail: radix.vinarski@gmail.com*

[2]*Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН, Университетская наб. 5/2, 199034, Санкт Петербург, Россия.*

РЕЗЮМЕ

На основе изучения архивных материалов и печатных источников реконструирована научная биография В.А. Линдгольма (1874–1935) – выдающегося отечественного зоолога первой половины XX в, внесшего большой вклад в ряд областей зоологии, преимущественно в изучение континентальных моллюсков и рептилий. Описан жизненный путь В.А. Линдгольма, подробно охарактеризован его вклад в развитие российской малакологии прошлого века, а также его научные связи с современными ему германскими зоологами. Не имея университетского образования, В.А. Линдгольм сумел подняться от любительских фаунистических исследований до написания крупных работ по систематике, биогеографии и вопросам зоологической номенклатуры. Показано, что наибольшее научное значение имели его труды по изучению эндемичной малакофауны оз. Байкал, наземных моллюсков Кавказа и Средней Азии, а также ископаемых плиоценовых моллюсков Западной Сибири. Во всех этих направлениях В.А. Линдгольм выполнил пионерские исследования, сохранившие свою ценность до наших дней. Прослежены важнейшие этапы научной карьеры В.А. Линдгольма и обстоятельства, способствовавшие приобретению им статуса профессионального учёного – сотрудника Зоологического музея Императорской академии наук. Сохранившиеся архивные документы позволяют реконструировать не только научную, но и «частную» биографию В.А. Линдгольма, которая представляет интерес для изучения положения научных работников в России в эпоху Первой мировой войны, а также в постреволюционный период. В приложении к статье опубликован ряд биографических документов из фонда В.А. Линдгольма, хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Ключевые слова: биография, В.А. Линдгольм, Зоологический институт РАН, история малакологии

"A Russian citizen of Swedish origin": Materials for biography of W.A. Lindholm

M.V. Vinarski [1, 2]

[1]*Saint-Petersburg State University, Universitetskaya Emb. 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russia; e-mail: radix.vinarski@gmail.com*

[2]*Saint-Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute of History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Universitetskaya Emb. 5/2, 199034 Saint Petersburg, Russia.*

ABSTRACT

Based on the study of archival materials and literary sources, the scientific biography of W.A. Lindholm (1874–1935), an outstanding Russian zoologist of the first half of the XX century, has been reconstructed. Most published works of W.A. Lindholm are devoted to studies of continental molluscs and reptiles. The life course of W.A. Lindholm is described and his contribution to the development of Russian malacology of the last century is characterized as well as his scientific connections with contemporary German zoologists. Deprived of university

education, W.A. Lindholm managed to progress from amauterish faunal studies to writing significant works on taxonomy, biogeography and zoological nomenclature. It is shown that the greatest contribution of W.A. Lindholm to malacology was his works on the endemic malacofauna of Lake Baikal, terrestrial gastropods of the Caucasus and Central Asia, as well as fossil Pliocene molluscs of Western Siberia. In all these fields W.A. Lindholm performed pioneering studies that have retained their value to this day. The most important stages of the scientific career of W.A. Lindholm and the circumstances allowed him to acquire the status of a professional scientist (an employee of the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences) are described. The available archival documents allow us to reconstruct not only the scientific, but also the "private" biography of W.A. Lindholm, which is of interest for studying the situation of scientists in Russia during the First World War, as well as in the post-revolutionary period. A number of biographical documents from the W.A. Lindholm's archive, stored in the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, are given as an Appendix to this article.

Keywords: biography, W.A. Lindholm, Zoological Institute RAS, history of malacology

ВВЕДЕНИЕ

Имя Василия (Вильгельма) Адольфовича Линдгольма (далее – ВАЛ) известно, без сомнения, всем, кто изучает малакофауну России и сопредельных государств. Память об этом замечательном зоологе сохраняется не только благодаря его многочисленным публикациям о систематике и номенклатуре наземных и пресноводных моллюсков, включая ископаемых, но и в названиях описанных им таксонов, а также в названиях родов (*Lindholmella* C.R. Boettger, 1930; *Lindholmia* Hesse, 1918; *Lindholmiella* Ehrmann, 1927; *Lindholmiola* Hesse, 1931; *Lindholmomneme* F. Haas, 1936) и многочисленных видов животных, нареченных в его честь. Однако биография В.А. Линдгольма до сих пор не воссоздана, нет работ, анализирующих его вклад в малакологию и герпетологию (которой он также занимался). Опубликованные сведения о жизненном пути ВАЛ сводятся к серии некрологов, вышедших в специализированных малакологических журналах (Anonymous 1936; Hesse 1936; Taki 1937). Примечательно, что все эти некрологи опубликованы в зарубежных изданиях, включая японский малакологический журнал "Venus". Советские издания смерть этого незаурядного специалиста проигнорировали. Возможно, повлияли «непролетарское» происхождение и немецкая фамилия, что в середине 1930-х гг. не только не способствовало признанию научных заслуг, но могло быть прямо опасным. Достаточно вспомнить об аресте в 1938 г. нескольких сотрудников Зоологического института АН СССР, имевших несчастье иметь немецкие (или финские) корни: Б.К. Штегмана, Г.У. Линдберга, А.А. Штакельберга, П.Ю. Шмидта и некоторых других (Танасийчук [Tanasiychuk] 2002; Ушаков [Ushakov] 2002). К тому же ВАЛ не входил в советскую научную номенклатуру, не занимал высоких административных постов, ведя жизнь скромного музейного зоолога. Можно согласиться с мнением И.В. Доронина ([Doronin] 2015: 73), что «в советские годы внимание историков науки было сконцентрировано преимущественно лишь на немногих "самых выдающихся" учёных, заслуживших одобрение государственной идеологической машины. Память же о прочих сотнях и тысячах (далеко не всегда рядовых) тружеников науки была зафиксирована в лучшем случае в кратких некрологах и юбилейных статьях». По сути, краткая хроника жизни ВАЛ, представленная в его некрологе (Hesse 1936), остается единственным опубликованным биографическим источником.

Но и в наше время биографы не жалуют Василия Адольфовича. Так, в очень подробном справочнике «Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008» (Колчинский и Федотова [Kolchinskiy and Fedotova] 2011) особой статьи про В.А. Линдгольма нет, хотя в книге содержатся биографические справки о множестве других персоналий, сопоставимых с ним по научным заслугам. Нет упоминаний о нем в специальном номере журнала «Природа» (№ 8 за 2002 г.), посвященном 170-летию Зоологического института РАН. Небольшая биографическая заметка в сборнике жизнеописаний герпетологов (Adler 2012) по большей части повторяет сведения, опубликованные П. Хессе (Hesse 1936).

Конечно, ВАЛ по масштабу научных трудов и степени влияния на развитие российской зоологии не равен таким великим современникам, как Л.С. Берг, А.Н. Северцов или В.А. Догель, но его значительный вклад в описание фауны нашей страны, в становление российской малакологии отрицать невозможно.

В 2019 г. исполняется 145 лет со дня рождения В.А. Линдгольма. Хотя эта дата скорее «полукруглая», представляется весьма своевременным попытаться восстановить основные вехи его жизненного пути и дать оценку его вкладу в малакологию, как он видится сейчас, спустя почти 85 лет после смерти ВАЛ.

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ В.А. ЛИНДГОЛЬМА

Важнейшим источником для восстановления биографии ВАЛ является его архивный фонд, хранящийся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), – фонд 308, описи 1 (рукописи трудов и материалы) и 2 (переписка). В Архив фонд поступил через четыре года после смерти Василия Адольфовича, в 1939 г.

Значительную часть документов описи 1 составляют рукописи работ ВАЛ, а также его полевые дневники и выписки из статей и книг, посвященных систематике, фаунистике, зоогеографии и номенклатуре моллюсков, рептилий и амфибий. Дневниковые записи сделаны на немецком или русском языке, выписки из книг и статей – на языке оригинала. Другую существенную часть архива ВАЛ составляют собственно биографические документы, связанные с его трудоустройством, прохождением по службе, служебными поездками и выплатой ему жалования. С точки зрения биографа особую ценность имеют разного рода анкеты и автобиографии (*curriculum vitae*), особенно многочисленные в послереволюционные годы. Они позволяют детально проследить основные события в жизни ВАЛ, начиная от времен учебы до выхода в отставку по болезни. Самые ранние документы в архиве Линдгольма относятся к 1885 г. (школьные тетради), крайние – к 1934 г.

Некоторая часть важных и интересных документов в фонде 308 сохранилась благодаря тому, что ВАЛ имел обыкновение писать черновики и делать выписки на обороте ненужных уже бумаг. До нас дошли счета и справки от врачей и ветеринаров, квитанции на оплату коммунальных услуг, расчетные листы, разного рода прошения и ходатайства по бытовым вопросам, а также – за период с сентября 1914 г. по середину 1918 г. – записи ежедневных расходов ВАЛ, включая самые копеечные траты (покупка газет, хлеба, молока). Эти чудом сохранившиеся документы проливают свет на детали не только научной, но и бытовой жизни ВАЛ и позволяют составить представление о внеслужебной, частной биографии «среднего» научного работника первой половины прошлого века, об особенностях характера и домашнего уклада ВАЛ. Много ценной информации о научной карьере ВАЛ, его служебных обязанностях в Зоологическом музее Академии наук (далее по тексту – ЗМАН) и других учреждениях, где он работал по совместительству, содержится в документах по делопроизводству Зоологического музея (СПбФ АРАН, ф. 55, оп. 1), а также в архиве Конференции Академии наук (СПбФ АРАН, ф. 1) и фонде Комитета правления АН (СПбФ АРАН, ф. 4, оп. 4, ед. хр. 4640), где сохранились автобиографические документы ВАЛ, его прошения и заявления, связанные с работой в должности зоолога ЗМАН.

Некоторые сведения о жизни ВАЛ, в первую очередь о его зоологических поездках и экскурсиях, дают его опубликованные труды, а также отчёты о деятельности ЗМАН, публиковавшиеся в составе «Ежегодника Зоологического музея Императорской Академии наук», начиная с первого тома (1896 г.) и по 1917 г. После революции эта традиция прервалась. Хотя подробнейшие годичные отчеты о работе и ЗМАН в целом, и о деятельности каждого его сотрудника продолжали составляться, их уже не публиковали, а в машинописном виде передавали в Правление АН. В фонде Зоологического института (ф. 55, оп. 1, ед. хр. 38-44) сохранились эти отчёты за 1922–1928 гг., которые также были мною использованы.

В качестве дополнительного источника были привлечены этикетки, которыми снабжены сборы моллюсков из коллекции ВАЛ, хранящейся ныне в составе Фондовой коллекции Зоологического института РАН. Как правило, этикетки (Рис. 1) точно датированы и содержат указание

Рис. 1. Этикетка из малакологической коллекции Линдгольма (ЗИН РАН).

Fig. 1. A label of the W. Lindholm's malacological collection (Zoological Institute RAS).

на географическое место сбора материала, что позволяет конкретизировать даты и места малакологических экскурсий ВАЛ.

ЖИЗНЬ НАТУРАЛИСТА-ЛЮБИТЕЛЯ (1893–1914 гг.)

Научную биографию ВАЛ легко разделить на две почти равных по продолжительности половины. Первые двадцать лет своей деятельности как натуралиста он вел жизнь непрофессионального зоолога, не занимая какой-либо оплачиваемой должности, связанной с научной или преподавательской работой. В октябре 1914 г. ВАЛ был принят на службу в ЗМАН, где проработал без малого двадцать лет, до своего выхода в отставку по болезни зимой 1934 г.

В.А. Линдгольм (Рис. 2) родился в Санкт-Петербурге 1 февраля 1874 г., окрещен 17 марта того же года. При рождении получил имя Вильгельм Александр Адольф. Отец – Адольф Фридрих Линдгольм, по профессии золотых дел мастер, работавший в частном ломбарде. Мать – Паулина Елена Линдгольм, урожденная Гофман[1] (здесь и далее примечания см. Приложение 1). Свидетельство о рождении и крещении выдано пастором Евангелическо-Лютеранской шведской церкви св. Екатерины (СПбФ АРАН, ф. 4, оп. 4, ед. хр. 4640, л. 20)[2]. Несмотря на это, воинское освидетельствование в 1896 г. он проходил в Выборгской губернии и был обозначен в выписке как житель прихода Веккелакс, относившегося к великому княжеству Финляндскому (там же). По медицинским показаниям ВАЛ был освобожден от воинской службы. Свою национальную принадлежность ВАЛ определил однажды как «русский гражданин шведского происхождения» (в анкете от 22.02.1923 г.; СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 36, л. 42). Родным языком его был немецкий.

Рис. 2. Василий Адольфович Линдгольм. (По: Hesse 1936). Этот же портрет был воспроизведен в японском журнале «Venus» (Taki 1937).

Fig. 2. Vassily Adol'fovich Lindholm (after Hesse 1936). The same portrait was reproduced in the Japanese malacological journal «Venus» (Taki 1937).

16.08.1885 г. ВАЛ поступил на реальное отделение училища Св. Анны (St. Annen Schule), известного в Петербурге среднего учебного заведения, где преподавание велось на немецком языке. Окончание учебы датировано 06.06.1892 г. Сохранившийся аттестат зрелости, выданный ВАЛ училищем св. Анны, дает представление о круге преподаваемых там дисциплин. Помимо общеобразовательных предметов, в этом перечне значатся книговодство (вероятно, ведение бухгалтерских книг), коммерческое вычисление, коммерческая география. Реальное отделение готовило юношей к карьере конторских служащих, того социального слоя, который нынче иронически называется «офисным планктоном». Кроме немецкого, им преподавали ещё два языка: английский и французский. В архи-

ве ВАЛ (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 29, лл. 22-30) имеются его ученические тетради за 1885 г., в которых каллиграфическим почерком переписаны образцы деловой корреспонденции на английском языке.

Наивысшие оценки («очень хорошие» успехи) ВАЛ получил по закону Божию, немецкому языку, коммерческой географии и естественной истории. В своей автобиографии он специально упоминает своего наставника по естествознанию – Ф.Г. Гердера (Dr. F.G. von Herder), консерватора Императорского Ботанического сада (ныне – Ботанический институт РАН). Впоследствии он назовёт в его честь новый вид брюхоногого моллюска из оз. Байкал – *Baikalia herderiana* Lindholm, 1909.

Почему ВАЛ не продолжил своё образование в университете – до конца неясно. В официальных анкетах, которые он был вынужден заполнять по службе, находим несколько объяснений. Поступая на службу в ЗМАН в 1914 г., он сообщает, что по окончании училища «по соображениям материалного (sic!) свойства должен был посвятить себя практической деятельности» (СПбФ АРАН ф. 2, оп. 1-1914, ед. хр. 17, л. 106). Однако в одной из многочисленных недатированных автобиографий, составленных ВАЛ в 1920–1930 гг., утверждается, что после окончания училища св. Анны он «из-за неблагоприятного состояния здоровья» находился в Оренбургской (1893–1894 гг.) губернии и в Новооскольском уезде Курской (1897–1898 г.) губернии, где «усердно коллектировал по энтомологии и малакозоологии» (СПбФ АРАН ф. 308, оп. 1, ед. хр. 36, л. 14). Это подтверждает Пауль Хессе (Hesse 1936), упомянувший, что в юности ВАЛ перенёс тяжёлое воспаление лёгких (Lungenentzündung) и был вынужден покинуть Петербург в поисках более мягкого климата. Наконец, в 1932 г. ВАЛ пишет, что не смог попасть в университет «по семейным обстоятельствам» (СПбФ АРАН ф. 308, оп. 1, ед. хр. 36, л. 19). Возможно, эти три версии не исключают одна другую, но никаких дальнейших подробностей мы не знаем.

Сохранились тетради с описанием его зоологических экскурсий в Курской губернии, в которых двадцатилетний натуралист записывал свои наблюдения и отмечал встречи различных видов позвоночных[3]. Дневник экскурсий велся на немецком языке, очень четким разборчивым почерком и охватывал период с мая по сентябрь 1897 г., а также апрель–август 1898 г. Данных о моллюсках в этих тетрадях нет. В 1895–96 и 1898–1900 гг. ВАЛ изучал фауну моллюсков Санкт-Петербургской губернии (СПбФ АРАН ф. 308, оп. 1, ед. хр. 36, л. 14). В заметке, посвящённой этому вопросу (Lindholm 1902a), он перечисляет нескольких своих товарищей по конхологическим штудиям, активно экскурсировавших в окрестностях столицы. Это были такие же натуралисты-любители, как и он сам: один врач, один студент-медик и даже некий «статский советник Виктор Викторович Мазараки». Впрочем, в списке присутствует имя Л.В. Бианки, в то время студента естественного факультета, сына известного русского орнитолога и брата ещё более известного писателя (В.В. Бианки). Впоследствии он, как и ВАЛ, стал профессиональным зоологом (энтомологом), сотрудником ЗМАН (Бианки [Bianchi] 2014).

О высоком качестве зоологических наблюдений, проведенных ВАЛ в юности, говорит тот факт, что его очерк о животном мире Каргалинской степи (Lindholm 1902b) был включён в известную монографию В. Кобельта о географическом распространении позвоночных животных Северного полушария, переведённую в своё время и на русский язык (Кобельт [Kobelt] 1903).

В 1900 г. ВАЛ переселяется в Германию, в провинцию Гессен-Нассау, где проводит несколько лет, до 1907 г. Возможно, что отъезд за границу был также связан с поисками благоприятного для здоровья климата. Средства к существованию он добывал, работая клерком на фабрике анилиновых красок товарищества “Kalle & Co” в городке Бибрих-на-Рейне. Сейчас Бибрих-на-Рейне находится в черте г. Висбадена, а во времена Линдгольма это был самостоятельный город, где располагалось несколько промышленных предприятий. Скорее всего, в служебные обязанности ВАЛ входило ведение деловой переписки с иностранными партнёрами фирмы, т. е. именно та деятельность, к которой юного Вильгельма готовили в училище св. Анны. Но, судя по всему, «планктонная» работа в конторе его не сильно привлекала и была только средством заработка. Как писал сам ВАЛ, все свободное от службы время он посвящал «самообразованию и главн. образом зоологии» (СПбФ

АРАН ф. 308, оп. 1, ед. хр. 36, л. 19). Этот интерес привёл его в естественнонаучный музей г. Висбадена, в котором он несколько лет подвизался в качестве волонтёра. Этот музей, основанный в 1829 г., был одним из крупнейших в Германии того времени; его малакологическая коллекция к концу XIX в. насчитывала около 120000 экз. (Römer 1891; Geller-Grimm 2018).

Рекомендации для поступления в музей Линдгольм получил от таких крупных специалистов, как Вильгельм Кобельт [Wilhelm Kobelt] (1840–1916), автор многочисленных трудов по малакологии и зоогеографии, и Оскар Бёттгер [Oskar Böttger] (1844–1910), большой знаток наземных моллюсков (Рис. 3). Резонно предположить, что ВАЛ сформировался как зоолог в тесном общении и при непосредственном руководстве двух этих замечательных ученых. Их помощь «словом и делом» (“Rath und That”) он с благодарностью отмечает в своих публикациях. Его интерес к герпетологии, вероятно, возник под прямым влиянием Бёттгера, который активно занимался этой отраслью зоологии и в 1875 г. даже стал куратором герпетологической коллекции Зенкенбергского музея во Франкфурте (Beolens et al. 2011).

В 1901 г. выходят первые научные публикации ВАЛ – териологическая статья, озаглавленная «К изучению карликовой пищухи» (Lindholm 1901a), которую сам автор называл своим первым печатным трудом, а также фаунистическая работа о моллюсках юга европейской России (Lindholm 1901b). В основу этих работ легли наблюдения и коллекции, собранные ВАЛ в Оренбургской и Курской губерниях.

К 1902 г. он уже являлся членом двух германских ученых обществ, в изданиях которых публиковал свои научные труды – Немецкого малакозоологического общества (Deutsche Malakozoologische Gesellschaft) во Франкфурте-на-Майне и Нассауского естественноисторического общества (Nassauischer Verein für Naturkunde in Wiesbaden) в Висбадене. В списке членов последнего он значился как «Lindholm W.A., Kaufmann», т. е. «Линдгольм В.А., коммерсант».

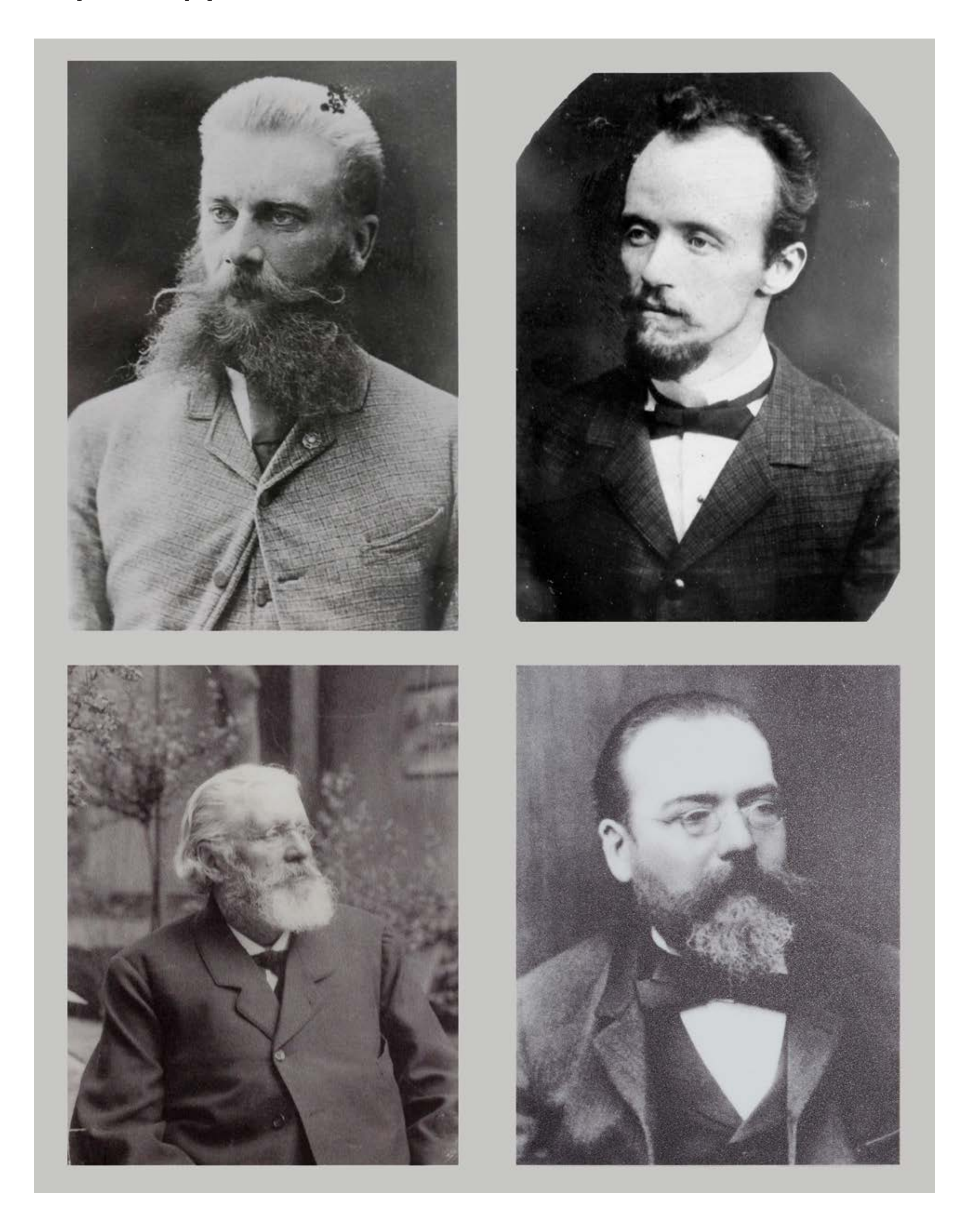
После того, как «мягкий климат и живописные окрестности Рейнланда... принесли полное восстановление его пошатнувшемуся здоровью» (Hesse 1936), ВАЛ смог посвящать свободное время экскурсиям в различных местностях западной Германии и Швейцарии. Собранные в ходе этих поездок малакологические материалы частично дошли до наших дней и находятся в коллекции Зоологического института РАН.

Как своеобразный научный итог семилетнего пребывания в Гессен-Нассау ВАЛ публикует подробный аннотированный список наземных и пресноводных моллюсков этой области, составленный в основном по его собственным наблюдениям (Lindholm 1910). Это едва ли не крупнейшая по объему из его фаунистических публикаций, почти 50 страниц! В ней перечисляется 161 вид моллюсков, не считая многочисленных вариететов. Помимо малакологических штудий, висбаденский период жизни ВАЛ характеризуется интенсивными герпетологическими занятиями. Он обрабатывает коллекции «гадов», поступавших в Висбаден из экзотических стран, публикует описания новых видов (см., например, Lindholm 1905, 1906).

Долгое пребывание за границей не привело к потере научных связей с Россией. Во второй половине девятнадцатого столетия в Империи не было специалистов по систематике наземных и пресноводных моллюсков. Континентальные моллюски, собираемые русскими экспедициями в Северную и Центральную Азию (Сибирь, Приморье, Монголия, Китай, Туркестан), обычно передавались для обработки европейским специалистам, среди которых были такие крупные имена, как К.Э. фон Мартенс [Karl Eduard von Martens], К.А. Вестерлюнд [Carl Agardh Westerlund], Ш. Клессин [Stephan Clessin], О. Бёттгер, О. ф. Мёллендорф [Otto Franz von Möllendorff] (Винарский [Vinarski]

Рис. 3. Германские и российские малакологи – старшие современники В.А. Линдгольма. Верхний ряд слева – Отто фон Розен, справа – Отто фон Ретовский. Нижний ряд слева – Вильгельм Кобельт, справа – Оскар Бёттгер. Фотографии из коллекции Зенкенбергского естественноисторического музея (Франкфурт-на-Майне, Германия).

Fig. 3. German and Russian malacologists – senior contemporaries of Lindholm. Upper row: left – Otto von Rosen, right – Otto von Retowski. Lower row: left – Wilhelm Kobelt, right – Oscar Böttger. All photos from collection of Senckenberg Natural History Museum (Frankfurt am Main, Germany).

2010). Только на рубеже двух веков в нашей стране появляются собственные специалисты по этой группе (см. Рис. 3) – остзейский барон Отто фон Розен (1853–1925), живший в разных городах юга России (в Ашхабаде, Киеве, Екатеринодаре, Новочеркасске, Ставрополе), Отто Фердинандович фон Ретовский (1849–1925), бывший одно время гимназическим учителем немецкого языка Феодосии, а впоследствии работавший в Эрмитаже хранителем нумизматического отдела (Линдгольм [Lindholm] 1926a), и герой настоящего очерка.

По рекомендации и, вероятно, при посредничестве Кобельта, ВАЛ стали поступать из России на определение вновь собранные коллекции континентальных (наземных и пресноводных) моллюсков (например, из Курской и Оренбургской губерний; см. Lindholm 1904). Наиболее значимой из них была большая коллекция моллюсков оз. Байкал, собранная экспедицией под начальством профессора А.А. Коротнева в 1900–1902 гг. Результатом её обработки стала таксономическая монография, первая и единственная в творчестве ВАЛ (Lindholm 1909), работу над которой он заканчивал уже в Москве. Подробно она охарактеризована мною ниже.

Мотивы его возвращения в Россию в 1907 г. неизвестны. Линдгольм поселяется в Москве, где зарабатывает на жизнь, трудясь в качестве «технического переводчика» и корреспондента в различных частных конторах. Известен его домашний адрес по состоянию на июль 1910 г. – ул. Мясницкая, д. 24, кв. 90 (СПбФ АРАН, ф. 722, оп. 2, ед. хр. 612). Как и в Висбадене, он становится волонтером при Зоологическом музее Московского университета, где с 1909 по 1913 гг. сотрудничает в качестве «специалиста по малакозоологии и герпетологии» (СПбФ АРАН ф. 308, оп. 1, ед. хр. 36, л. 32). Летние отпуска он проводит, экскурсируя в разных местностях Российской империи. Известно о его поездках, предпринятых с «зоогеографическими целями» (СПбФ АРАН ф. 2, оп. 1-1914, ед. хр. 17, л. 106) в Западное Закавказье (в 1910 и 1912 гг.), в Крым (1909, 1913 гг.), а также о том, что с 1907 по 1914 гг. он с перерывами занимался изучением малакофауны Московской губернии, а также Поволжья. Кроме того, он периодически получал для определения сборы малакофауны из разных регионов Империи. Например, в 1910 г. он обрабатывал коллекции континентальных моллюсков, собранные на севере Западной Сибири и Полярном Урале экспедициями Б.М. Житкова (1908 г.) и О.О. Баклунда (так называемая «Экспедиция братьев Кузнецовых», 1909 г.) [Lindholm 1919]. Чуть ранее А.С. Скориков поручил ему обработку коллекции моллюсков, собранной Ладожской экспедицией 1905–1906 гг., снаряженной городскими властями Санкт-Петербурга для изучения Ладожского озера и реки Невы как источников питьевой воды для столицы (Скориков [Skorikov] 1910; Lindholm 1912a). Из числа других известных натуралистов, сборы которых обрабатывал ВАЛ, можно назвать А.А. Браунера, Г.А. Кожевникова, С.С. Четверикова (Lindholm 1908; Линдгольм [Lindholm] 1911).

Однако в целом московский период деятельности ВАЛ – самый «темный» из всех. О деталях его работы в Зоологическом музее Московского университета известно немного. В объемистой монографии Г.Ю. Любарского ([Lyubarskiy] 2009), где даны биографические сведения практически о каждом, кто оставил след в истории этого учреждения, о Линдгольме сообщается лишь следующее (стр. 568): «Линдгольм Василий Адольфович. Энтомолог, малаколог. Обрабатывал коллекцию А.П. Федченко, которая хранится в ЗМ. В 1922 г. ученый хранитель Зоомузея АН (Пг.)». Это сообщение очевидно основано на более ранней публикации (Гептнер и др. [Geptner et al.] 1991), где имя ВАЛ упоминается лишь единожды – именно в связи с обработкой им коллекции Федченко. Нет данных о его деятельности в Зоомузее Московского университета и в коллективной монографии о московских герпетологах (Россолимо и Дунаев [Rossolimo and Dunayev] 2003).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ МАЛАКОЛОГ В ШТАТЕ ЗООЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АКАДЕМИИ НАУК (1914–1935 гг.)

В 1914 г. Линдгольм получает предложение поступить на службу в ЗМАН. Обстоятельства, которые предшествовали этому, в архивных документах не прослеживаются. По-видимому, это было личной инициативой директора музея, академика Н.В. Насонова, на имя которого ВАЛ

30 августа 1914 г. подал прошение о зачислении на службу в музей (см. Приложение 2, документ 1). 3 октября того же года Насонов представил Конференции АН «на вакантную должность старшего зоолога... сверх штата Василия Адольфовича Линдгольма с вознаграждением в сто рублей в месяц из специальных средств Музея...» Конференция постановила «допустить В.А. Линдгольма к исполнению должности старшего зоолога сверх штата с выдачей ему указанного вознаграждения...» (СПбФ АРАН, ф. 2, оп. 1-1914, ед. хр. 17, л. 99). Одновременно на должность младшего зоолога был избран Г.Ю. Верещагин (1889–1944), ранее занимавший должность сверхштатного хранителя Зоологического кабинета Варшавского университета, а на должность старшего зоолога – П.Ю. Шмидт (1872–1949). Оба этих ученых оставили немалый след в отечественной науке – Г.Ю. Верещагин как лимнолог и исследователь озера Байкал, основатель Байкальской лимнологической станции, а П.Ю. Шмидт как ихтиолог и автор многочисленных трудов по общебиологическим вопросам.

14 октября 1914 г. ВАЛ начал работу в ЗМАН, приступив, как сказано в отчёте о деятельности музея (Насонов [Nasonov] 1915, с. 061), «к обработке материала по наземным и пресноводным моллюскам Российской Империи». Впервые в жизни он получил постоянную оплачиваемую должность, связанную с проведением научных исследований, и теперь мог считаться «профессиональным» зоологом уже и с формальной точки зрения.

Я предполагаю, что приглашение ВАЛ в ЗМАН было связано с изданием серии «Фауна России и сопредельных стран, преимущественно по коллекциям Зоологического музея Императорской Академии наук», выпускавшейся с 1911 г. по инициативе академика Н.В. Насонова. Разрабатывая план издания, Насонов обращался к различным специалистам с просьбой монографически обработать ту или иную группу животных для данной серии (см., например, Линько [Linko] 1911: I). При его непосредственной поддержке севастопольский натуралист К.О. Милашевич подготовил выпуск, посвященный моллюскам Черного и Азовского морей (Милашевич [Milashevitsch] 1916). Написание выпуска, посвященного континентальным моллюскам Российской империи, было поручено Отто фон Розену. Клер ([Claire] 1911) упоминает о том, что этот исследователь в конце 1900-х гг. обрабатывал коллекции континентальных моллюсков ЗМАН с целью подготовки монографического описания пресноводных и наземных моллюсков Европейской России. Сохранились два письма О. Розена Н.В. Насонову, посвящённые деталям этой работы (СПбФ АРАН ф. 55, оп. 1, ед. хр. 336), однако книга Розена так и не вышла в свет (см. ниже). В любом случае, охватить всю континентальную малакофауну огромной страны силами одного автора было невозможно. Можно предположить, что по замыслу Насонова ВАЛ должен был подключиться к этой работе.

В 1915 г., как следует из годового отчёта ЗМАН (Насонов [Nasonov] 1917), занятия ВАЛ в основном ограничивались «разборкой и обработкой» обширного материала по континентальным моллюскам, скопившегося в музее за многие годы. В течение первого года службы он сумел обработать и определить все сборы по наземным и пресноводным моллюскам, выполненные до 1905 г. включительно, и специально занимался несколькими семействами наземных улиток (Clausiliidae, Pupidae, Buliminidae). Параллельно он вносил дополнения в рукопись монографии скончавшегося в 1915 г. К.О. Милашевича и вычитывал её корректуру (Милашевич [Milashevitsch] 1916).

Только в 1916 г. ВАЛ вплотную принимается за подготовку специального выпуска «Фауны», посвященного перечисленным выше семействам (Бианки [Bianchi] 1922; Насонов [Nasonov] 1922). О судьбе этой рукописи будет сказано ниже.

Поступление ВАЛ на службу в ЗМАН фактически совпало с началом Первой мировой войны. Внешне война мало повлияла на текущую научную работу зоологов. ВАЛ приступил к обычным «музейским» (выражаясь языком того времени) обязанностям. Однако академическая жизнь в России в целом подверглась большим переменам: теперь она была организована в соответствии с «мобилизационной моделью». Практически прервались научные связи с учёными Германии и её союзников, прежде весьма интенсивные (Колчинский [Kolchinskiy] 2015). Для ВАЛ это выразилось в невозможности печатать свои труды в немецких малако-

логических журналах. Больше того, с 1915 по 1922 г. он не опубликовал ни одной статьи на своём родном немецком языке, публикуясь на русском и – все чаще – на английском языке. Это, очевидно, не было личной инициативой самого Линдгольма – немецкоязычные статьи полностью исчезают из выпусков «Ежегодника Зоомузея», вышедших в 1916–1918 гг. и первые послевоенные годы. Отказ от использования немецкого языка выглядит как проявление «патриотической установки», спущенной сверху, хотя мне неизвестны документальные подтверждения того, что руководство АН каким-то образом регламентировало языковую политику в новых условиях. Известно, однако, что «лингвистическая война» привела к созданию целого ряда новых русскоязычных научных журналов, в т. ч. и в области биологии (Колчинский [Kolchinskiy] 2015).

С началом Первой мировой войны вопрос о языке научных публикаций стал обсуждаться в России с особенной остротой. Так, зоолог С.Н. Боголюбский ([Bogolyubskiy] 1914) в статье, опубликованной в журнале «Естествознание и география», призывал отечественных учёных полностью отказаться от печатания своих трудов на иностранных языках и в иностранных же журналах. По его мнению, уровень русской науки достаточно высок, чтобы все заинтересованные лица за рубежом обращались к русским журналам и находили возможность переводить нужные им статьи. Вполне достаточно, по мнению Боголюбского, прибавлять к ним «общее резюме на самом распространённом языке – английском, потому что от этого популярность труда только выиграет, наука же не пострадает, а русское имя возвеличится...» (Боголюбский [Bogolyubskiy] 1914: 86). Обращаясь к русским учёным, составившим себе «большое имя», автор призывал: «пусть же они пишут, начиная с этого общего великого перелома, только на родном, на русском языке» (с. 86). Этим призывам возражали более трезвые головы, находившие, что русский язык по многим причинам вряд ли станет языком мировой науки (Аноним [Anonymous] 1915), и что даже в эпоху мировой войны, «несмотря на бушующие между народами волны ненависти, научная работа, использование опыта друг друга, даже врагов, идет дальше... особенно в науке переживаемая эпоха не может быть окрашена шовинистическими красками. Все хорошее, что есть у других, даже у врагов, взять, усвоить, использовать – вот лозунг момента!» (Чахотин [Chakhotin] 1917: xiii).

В послереволюционные годы возможности печатания своих трудов для ВАЛ и других сотрудников ЗМАН сократились до минимума. На несколько лет приостановился выпуск «Ежегодника Зоологического музея» и серии монографий «Фауна России». Годы с 1918 по 1924 были чрезвычайно трудными и для всей страны, и (в особенности) для научного учреждения, занимавшегося «отвлечёнными» вопросами зоологической систематики. Вопрос стоял уже о физическом выживании музея и его сотрудников (Слепкова [Slepkova] 2006).

Несмотря на то, что в первый же год после октябрьской революции раздались призывы к полному уничтожению Академии наук как пережитка «ложноклассической эпохи развития классового общества» (Колчинский [Kolchinskiy] 2017), этим планам не суждено было сбыться, однако деятельность почти всех академических учреждений в течение нескольких последующих лет была сопряжена с громадными трудностями. Финансирование научных учреждений, не приносивших немедленной практической пользы, было резко сокращено (Колчинский [Kolchinskiy] 2017). По словам исполняющего обязанности директора ЗМАН А.А. Бялыницкого-Бирули из письма Б.П. Ткачукову от 26.06.1922 (СПбФ АРАН, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 171), «...материальное положение Музея (равно как и всей Академии наук) до крайности трудное, так как он не только не получает никаких сумм на текущие расходы или на какие-нибудь новые предприятия, но не может даже оплатить аккуратно труд своего служебного персонала и поддержать в порядке само здание Музея». В неопубликованном отчёте о деятельности ЗМАН за 1922 г., предназначенном для руководства Академии, указывалось на «...по прежнему крайний недостаток денежных средств для необходимейших расходов на хозяйственные и научные нужды» (СПбФ АРАН ф. 55, оп. 1, ед. хр. 38, л. 86). В 1921 и 1922 гг. помещение музея полностью не отапливалось. «...Музей терпел крайний недостаток в шкафах, ящиках, коробках, в посуде

для хранения научных материалов, в инструментах, приборах и реактивах для научных и технических работ и особенно в главном музейском реактиве – спирт, который уже в течение семи лет отпускается ненадлежащего качества и в крайне недостаточном, едва четвертном (1/4) размере требующегося количества...». Средств для планомерного осуществления полевых исследований у ЗМАН не было, поэтому пополнение коллекций в отчётном году происходило в основном за счет случайных поступлений (там же, л. 87). Периодически пересматривалось штатное расписание ЗМАН – в сторону сокращения (так, в 1922 г., в связи «с повторными по распоряжению центральной власти сокращениями штатов Зоологического Музея [научный сотрудник] П.Д. Резвой вынужден был оставить службу в Музее, но тем не менее он не оставил свою научную работу в Музее, продолжая начатую им обработку обширных научных материалов... и оставаясь по прежнему, но безвозмездно, ценным сотрудником Музея»; там же, л. 102).

Но несмотря на все трудности ВАЛ постепенно продвигался по службе (см. Табл. 1). Начав со скромной должности сверхштатного зоолога, жалованье которого зависит от «специальных средств Музея», 1 апреля 1916 г. он становится штатным младшим зоологом (ученым хранителем), и ему поручается заведывание III отделением музея (моллюски и брахиоподы). В это время в штате ЗМАН было всего 14 научных сотрудников: директор, шесть штатных старших зоологов, один сверхштатный старший зоолог (Н.М. Книпович) и шесть младших штатных зоологов (Насонов [Nasonov] 1922).

Первоначально обязанности по заведыванию III отделением были разделены между ВАЛ и Н.М. Книповичем, но в сентябре 1918 г. последний отказался от заведывания и, по результатам «закрытой баллотировки» в Совете Зоомузея, ВАЛ стал единоличным заведующим III отделением (СПбФ АРАН ф. 55, оп. 1, ед. хр. 2, л. 54). Эту должность он занимал вплоть до выхода в отставку. В 1920 г. ВАЛ становится штатным старшим зоологом ЗМАН (СПбФ АРАН ф. 4, оп. 4, ед. хр. 4640, л. 4).

В подчинении у заведующего III отделением была Цецилия Карловна Федерольф, исполнявшая в основном технические обязанности по работе с коллекцией моллюсков – этикетирование, заливка спиртом, ведение каталога (см. Приложение 2, документ 5). Ц. Федерольф служила в ЗМАН в должности препаратора с 1901 г., и, помимо лаборантской работы, занималась определением видовой принадлежности пресноводных моллюсков. В частности, ею обрабатывались малакологические коллекции Волжской биологической станции в Саратове (Бенинг [Behning] 1925), сборы А.В. Журавского из бассейна р. Печоры и некоторые другие.

В революционном 1917 г. происходят серьёзные изменения в управлении ЗМАН. Хотя директором учреждения вплоть до 1921 г. продолжал оставаться академик Насонов, фактически управление было передано вновь сформированному Совету Зоомузея (Слепкова [Slepkova] 2006), первое заседание которого состоялось 16 января 1918 г. (СПбФ АРАН ф. 55, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1). В состав Совета Зоомузея входили все старшие зоологи и заведующие отделениями, в том числе и ВАЛ. Такая форма управления просуществовала вплоть до 1930 г., после чего коллегиальное руководство музеем было упразднено (Слепкова [Slepkova] 2006). Совет Зоомузея занимался в основном текущими вопросами, включая финансовые и кадровые дела, трудовую дисциплину и т.п.[4] Время от времени из числа членов Совета Зоомузея избирались тематические комиссии, посвящённые каким-то частным вопросам. Например, в 1922 г. Совет Зоомузея создал комиссию по выработке правил пользования музейной библиотекой, куда вошел и ВАЛ (СПбФ АРАН, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 38, л. 88).

Начиная с 1923–1924 гг. положение ЗМАН и его сотрудников стало постепенно улучшаться (Слепкова [Slepkova] 2006). Во второй половине 1920-х гг. ВАЛ интенсивно публикуется, а также ведёт большую организационную работу в ЗМАН. Он заведует коллекцией моллюсков, диапазон его малакологических штудий заметно расширяется, охватывая теперь не только современных представителей наземных и пресноводных мягкотелых, но также различные ископаемые группы (включая остатки раковин моллюсков из археологических раскопок) и даже отдельных представителей морской малакофауны (Линдгольм [Lindholm] 1927c). Герпетологические занятия отходят на второй

план, публикации по систематике рептилий и амфибий практически не появляются (редкое исключение – Lindholm 1924a). Улучшение условий жизни и работы сказалось и на географии малакологических экскурсий ВАЛ. Если в 1917–1924 гг. он был вынужден сосредоточиться на изучении фауны ближайших окрестностей Петрограда (Стрельна, Павловск, Петергоф, Павловск, Шлиссельбург, Царское Село), то в середине двадцатых годов возобновляются его поездки в Крым и на Кавказ (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 31). ВАЛ снова активно публикуется в немецких зоологических изданиях (*Archiv für Molluskenkunde*, *Zoologischer Anzeiger*).

Растёт его авторитет в музее, где он постепенно становится одним из старейших и наиболее опытных сотрудников. В 1930 г., после снятия с должности и последующего ареста директора ЗМАН А.А. Бялыницкого-Бирули, Линдгольму приходилось даже временно исполнять директорские обязанности (см. Приложение 2, документ 5). С годами ВАЛ все больше занимается редакторской работой. Под его редакцией вышло несколько выпусков из серии «Определители по фауне СССР» (например, выпуски 3, 5–15), а также несколько томов «Ежегодника» Зоологического музея и первые выпуски серии «Труды Зоологического института». Он редактировал ряд других сочинений (например: Мальм [Malm] 1932[5]). По расчётам ВАЛ (см. Приложение 2, документ 6), в 1933 г. редакторская работа занимала 75% его рабочего времени, а собственно научные исследования – только 15%.

По сообщению П. Хессе (Hesse 1936) в период работы в ЗМАН Линдгольму была присуждена степень доктора зоологии без защиты диссертации, но информация об этом в архиве ВАЛ не обнаружена. Возможно, это произошло в самом конце его жизни, когда в начале 1934 г. в СССР была внедрена новая система учёных степеней и званий (постановление Совнаркома № 79 от 13.01.1934 г.).

Ещё одна сторона научно-организационной деятельности ВАЛ в те годы – участие в проведении конференций и симпозиумов. В августе 1925 г. он был задействован в организации III конгресса Международной ассоциации теоретической и прикладной лимнологии, проходившего в Ленинграде (см. воспоминания В.И. Жадина [Zhadin] 1991). В сентябре того же года организуется ещё более масштабное мероприятие – празднование 200-летия Российской академии наук, проводившееся в Ленинграде и Москве. На торжества были приглашены многочисленные зарубежные гости. ВАЛ вместе с С.П. Костычевым руководил «биологической группой», которая 10.09.1925 г. организовала осмотр научных учреждений Ленинграда соответствующего профиля – Главного ботанического сада, Института экспериментальной медицины, Рентгенологического института.

В архиве РАН сохранилось ходатайство ВАЛ о предоставлении ему заграничной командировки за счёт средств Наркомпроса сроком на два месяца, начиная с 1 сентября 1927 г. Линдгольм планировал принять участие в 4-м Международном Лимнологическом конгрессе в Риме (предполагаемая тема доклада «О распространении пресноводной байкальской фауны в р. Нижней Ангаре»), а также поработать в зоологических музеях Италии и Германии, посетить Неапольскую биологическую станцию (СПБФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 36, л. 35). Это должно было стать его первой заграничной поездкой за послереволюционные годы. Хотя в декабре 1926 г. Президиум АН рекомендовал послать на Лимнологический конгресс в Риме делегацию в составе Г.Ю. Верещагина, В.А. Линдгольма и В.М. Рылова (СПБФ АРАН, ф. 4, оп. 4, ед. хр. 4640, л. 32), судя по всему эта поездка не состоялась. В составленных позже анкетах и автобиографиях ВАЛ ничего о ней не упоминает.

Научная и редакторская работа ВАЛ в стенах ЗМАН перемежалась с различными «общественными» нагрузками. Об его участии в Совете Зоомузея сказано выше. Кроме того, он участвовал в организации выставочного отдела Зоомузея и экскурсий по музею (в 1921 г.; СПБФ АРАН, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 236, л. 84); в начале 1930-х гг. участвует в социалистическом соревновании как член «ударной бригады», ведёт «пропаганду технических знаний среди населения» (СПБФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 36, л. 42). ВАЛ постоянно консультировал иногородних зоологов, приезжавших в ЗМАН для работы с коллекциями, определения собственных материалов по моллюскам и получения всевозможных «справок» по зоологическим вопросам. К нему поступали просьбы от раз-

личных учреждений о помощи в определениях коллекций моллюсков. Например, в течение 1922 г. ВАЛ определял моллюсков для таких организаций, как Петергофский естественно-научный институт, Детскосельский отдел Областной станции защиты растений, Лесной институт (СПБФ АРАН, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 38, л. 88).

В 1919–1921 гг. ВАЛ состоял в должности учёного секретаря по иностранной переписке Русского Энтомологического общества (видимо, на добровольных началах); помимо немецкого и русского языков, он владел также английским и французским, мог читать (со словарём) латинские тексты (СПБФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 36, л. 42).

В 1932 г. на базе бывшего ЗМАН, переименованного в декабре предыдущего года в Зоологический институт АН СССР (Слепкова [Slepkova] 2006), прошла «Первая всесоюзная фаунистическая конференция», в организации которой ВАЛ принимал участие[6]. Согласно воспоминаниям В.И. Жадина (Жадин [Zhadin] 1991) об этом событии, сразу после неё в Зоологическом институте состоялось «первое совещание по изучению моллюсков», которым руководил В.А. Линдгольм. Вероятно, его следует рассматривать как прообраз всесоюзных совещаний по изучению моллюсков, регулярно проводившихся в советский период и менее регулярно – в постсоветский (Аноним [Anonymous] 2007). Однако воспоминания Жадина остаются единственным источником сведений об этом событии: никаких данных о «совещании» нет ни в архиве Линдгольма, ни в публикациях по итогам фаунистической конференции. Традицию проведения всесоюзных малакологических совещаний впоследствии отсчитывали от 1961 г. (Шилейко [Schileyko] 1984; Аноним [Anonymous] 2007).

Наконец, следует упомянуть о педагогической деятельности ВАЛ в стенах Зоомузея. Известны имена двух аспирантов Линдгольма, которыми он руководил с 1931 по 1933 гг. (с перерывами). Это – супруги Цветковы, Борис Николаевич (1905–1945) и Екатерина Андреевна (годы жизни неизвестны). В январе 1933 г. ВАЛ представил директору Зоологического института С.А. Зернову характеристику своих аспирантов, отмечая, что если весной 1931 г. оба были «совершенно непосвященными» в технике собирания пресноводных и особенно наземных моллюсков, то в течение следующих года-полутора лет они приобрели большой опыт в полевых сборах малакофауны и достигли в этом больших успехов. В камеральной обработке Б.Н. Цветков специализировался на наземных, а Е.А. Цветкова – на пресноводных видах (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 2, ед. хр. 22, л. 2, 2 об.), однако сведения о защите ими кандидатских диссертаций отсутствуют. Впоследствии супруги продолжали заниматься малакологией, причем Б.Н. Цветков известен как автор таксономических публикаций о наземных моллюсках Средней Азии. С 1933 по 1945 гг. он был сотрудником Зоологического музея МГУ (Любарский [Lyubarsky] 2009).

Очень много времени и сил ВАЛ затрачивал на работу с приезжими специалистами, посещавшими ЗМАН с целью работы с малакологической коллекцией. В его фонде хранится переписка со многими советскими малакологами той поры (В.И. Жадиным, Б.Г. Иоганзеном, П.Н. Архангельским и др.), которых он консультировал по научным и издательским вопросам.

1933 г. стал последним годом работы ВАЛ в Зоологическом институте. Первая половина года прошла благополучно. 25 июня он брал книги в ЗИНовской библиотеке (бланк заказа см. СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 2, № 22, л. 99 об.), а в сентябре 1933 г. сделал заказ на научную литературу известной берлинской книготорговой фирме R. Friedländer & Sohn (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 31, л. 178), но в октябре этого года с ним случился «инсульт, вызвавший паралич» (Жадин [Zhadin] 1991: 40). Убедившись в том, что его болезнь неизлечима, в начале 1934 г. ВАЛ подаёт в отставку и покидает Зоологический институт (Hesse 1936). Крайний документ его личного дела датирован 26 января 1934 г. 15 февраля того же года место Линдгольма в качестве заведующего отделением моллюсков занял В.И. Жадин (Жадин [Zhadin] 1991).

Вплоть до марта 1934 г. продолжалась переписка ВАЛ с П.Н. Архангельским из Ташкента по поводу определения коллекции среднеазиатских моллюсков. 26.03.1934 г. он отвечает на запрос Г.В. Кокочашвили из Кутаиси, просившего ВАЛ руководить его ознакомлением с коллекцией наземных моллюсков ЗИНа. Но

Линдгольм уже не мог ничем помочь. В письме, написанном нетвёрдым, плохо читаемым почерком, совершенно непохожим на почти каллиграфический почерк прежних времён, значится: «Рекомендую обратиться в Тифлисский музей, где имеется хорошая коллекция кавказских моллюсков. 26.III.34. В. Линдгольм» (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 2, ед. хр. 27). Это – последняя из дошедших до нас собственноручных записей ВАЛ.

17 сентября 1935 г. Василий Адольфович Линдгольм скончался.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАЛАКОЛОГИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ В.А. ЛИНДГОЛЬМА

В.А. Линдгольм был весьма работоспособным и продуктивным автором, перу которого принадлежат несколько десятков малакологических работ (включая одну крупную монографию: Lindholm 1909), не считая статей и заметок о систематике, экологии и распространении амфибий, рептилий и даже млекопитающих. Несколько его публикаций посвящены теоретическим вопросам зоологической номенклатуры (Lindholm 1925a, b; 1927a, 1928). *Zoological Record* содержит записи о 95 публикациях ВАЛ, но в реальности их было ещё больше, так как даже этот авторитетнейший источник зоологической библиографии неполон (например, в нем не проиндексированы две больших статьи ВАЛ о третичных моллюсках юга Западной Сибири: Линдгольм [Lindholm] 1932a, b). Можно принять, что общая «научная продукция» ВАЛ за 1901–1936 гг. составила около 120 публикаций, из которых на долю собственно малакологических работ пришлось не менее 3/4.

Как и многие конхологи-любители того времени, ВАЛ начал свою научную деятельность с публикации сравнительно небольших фаунистических заметок, которые описывали (обычно в форме аннотированного чек-листа) фауну моллюсков более или менее ограниченного района. Именно к этому жанру принадлежала первая малакологическая публикация нашего автора, изданная под названием «К познанию фауны мягкотелых юга России» (Lindholm 1901b). ВАЛ продолжал публиковать подобного рода фаунистические чек-листы почти до самого конца своей научной карьеры, хотя, конечно, со временем он почти отошёл от печатания простых видовых списков. Фаунистические публикации «зрелого» Линдгольма представляют собой крупные систематические обзоры региональных малакофаун, в основе которых, как правило, лежали результаты обработки коллекций, собранных какой-либо экспедицией. Таковы опубликованные ВАЛ обзоры по малакофауне Памира (Lindholm 1931), нижнего Днепра (Lindholm 1929b), старой Бухары (Lindholm 1930) и др.

Впрочем, даже в самых ранних своих публикациях ВАЛ не был чистым фаунистом. В первой же печатной работе о моллюсках (Lindholm 1901b) он описывает три новых таксона – внутривидовые формы одного вида пресноводных и двух видов наземных брюхоногих.

Интерес его к систематике ярко выразился в монографии о моллюсках Байкала (Lindholm 1909). По своему масштабу, фундаментальности и уровню таксономического анализа она стоит значительно выше аннотированных чек-листов, которые ВАЛ публиковал ранее. Эта книга – плод труда вполне сложившегося профессионала-систематика и зоогеографа: не случайно в подзаголовке монографии указано, что моллюски Байкала были им «обработаны систематически и зоогеографически». По сути книга представляет собой описание региональной фауны, но основной акцент сделан на таксономии. Хотя ВАЛ не был первым исследователем малакофауны Байкала (Кожов [Kozhov] 1962; Ситникова и Рёпсторф [Sitnikova and Röpstorf] 2004), ему принадлежит приоритет как автору первой обобщающей сводки по данному вопросу, основанной как на анализе трудов предшественников, так и на собственных оригинальных исследованиях.

В основу работы легли малакологические сборы экспедиции профессора А.А. Коротнева (1900–1902). Как отмечает ВАЛ (Lindholm 1927b), это была едва ли не первая экспедиция на Байкал, сборы которой сопровождались точной биотопической информацией о местах находки животных (глубине их обитания, характере грунта и т.п.)

Структура монографии соответствует неписанному стандарту, который сложился в европейской малакологии к середине XIX в. и в соответствии с которым были построены

классические монографии А.Ф. Миддендорфа (Middendorff 1851) о моллюсках Сибири и Л. Шренка о моллюсках бассейна Амура (Schrenck 1867).

В этой работе ВАЛ предложил новую таксономическую структуру родов *Choanomphalus* Gerstfeldt, 1859 (Planorbidae) и *Baicalia* Martens, 1876 (Baicaliidae), большинство представителей которых являются эндемиками или субэндемиками Байкала. В ней описано большое число новых таксонов разного ранга, от родового до субвидового, многие из которых считаются валидными в современной литературе (Ситникова [Sitnikova] 1987, 1991; Ситникова и др. [Sitnikova et al.] 2004; Vinarski and Kantor 2016). Помимо систематики моллюсков, обсуждается их филогения, а также вопрос о происхождении этой эндемичной фауны. Автор отмечает отсутствие у неё прямой генетической связи с морскими фаунами, а морфологическое сходство представителей родов *Benedictia* W. Dybowski, 1875, *Kobeltocochlea* Lindholm, 1909 и *Baicalia* с морскими таксонами объясняет конвергенцией (Lindholm 1909).

Всего в списке байкальских моллюсков, составленном ВАЛ, значились 89 видов брюхоногих и двустворчатых, без учёта вариететов. Не все из них являются эндемиками озера; автор отмечал известную «примесь» форм другого происхождения, анализируя их присутствие в свете вопроса о формировании фауны Байкала, который в те годы обсуждался и другими специалистами, например, Л.С. Бергом ([Berg] 1910).

Такой крупный авторитет в области байкаловедения, как М.М. Кожов, подчёркивал, что монографией ВАЛ «был заложен уже прочный фундамент в познание систематического состава фауны байкальских моллюсков» (Кожов [Kozhov] 1936: 7), а его байкальские штудии в целом охарактеризовал как «крупнейший шаг в познании моллюсков» этого озера (Кожов [Kozhov] 1962: 89).

После 1909 г. ВАЛ не раз возвращался к байкальской проблематике, опубликовав в итоге около десятка больших и малых работ, посвящённых таксономии, номенклатуре, происхождению и вероятным родственным связям эндемичной байкальской фауны. Вплоть до 1927 г. он продолжает совершенствовать систему байкальских гастропод, выделяя новые таксоны подродового ранга (Lindholm 1927b). К «байкальской» серии работ тесно примыкают заметка о фауне наземных и пресноводных гастропод окрестностей Иркутска (Lindholm 1912b), в которой обсуждаются, в том числе, представители байкальской малакофауны, проникающие в р. Ангару, и более поздняя работа (Lindholm 1929a), где описаны два новых таксона гастропод из монгольского оз. Хубсугул. Как показано позднейшими авторами (Ситникова и др. [Sitnikova et al.] 2004; Sitnikova et al. 2006), один из этих видов, описанный под названием *Kobeltocochlea michnoi* Lindholm, 1929, был по ошибке «зачислен» в состав хубсугульской фауны и является на самом деле эндемиком оз. Байкал.

Совершенно иная судьба ожидала монографию о континентальных моллюсках для серии «Фауна России», над которой ВАЛ работал, начиная с 1916 г. (см. выше). Ещё в начале 1910-х гг., до его поступления на службу в ЗМАН, был составлен план издания малакологических выпусков данной серии. О нем можно судить по анонсам подготавливаемых и находящихся в печати томов «Фауны России», помещавшихся на обложках вышедших выпусков (см., например, Линько [Linko] 1911; Мензбир [Menzbier] 1916). Вопреки обычной практике и в виде исключения (Милашевич [Milashevitsch] 1916), описание морских моллюсков должно было вестись по географическому принципу. Им предполагалось посвятить несколько выпусков, включая тома о моллюсках южных морей России (К.О. Милашевич), Каспийского моря (Н.И. Андрусов), северных (Н.М. Книпович) и восточных (Н.А. Смирнов) морей. Что касается моллюсков континентальных, то О. Розену была поручена монография о нескольких семействах наземных гастропод (Testacellidae, Vitrinidae, Glandinidae), причём работа над ней продвинулась довольно далеко. В анонсе серии 1911 г. этот выпуск значится как «подготавливаемый к печати» (Линько [Lin'ko] 1911), а уже в 1916 г. числится среди «подготовленных» (Мензбир [Menzbier] 1916). В марте 1917 г. барон Розен сообщает Н.Н. Аделунгу, что выслал ему рукопись заказной бандеролью, однако хотел бы получить из коллекции ЗМАН ряд типовых материалов по улиткам подрода *Eulota*, чтобы проверить определения, сделанные К.А. Вестерлюндом

(СПбФ АРАН ф. 55, оп. 1, ед. хр. 336, лл. 137-138). Условия военного и революционного времени помешали изданию этого труда, и дальнейшая судьба рукописи неизвестна. В анонсе серии за 1916 г. в перечне «подготавливаемых» фигурирует и второй выпуск серии, посвящённый наземным моллюскам – семейству Buliminidae (Мензбир [Menzbier] 1916). Его автором и был В.А. Линдгольм.

В начале 1920-х гг. (предположительно в 1922 г.) в ЗМАН был составлен документ о готовности отдельных выпусков «Фауны России» к изданию. Каждый из предполагаемых авторов отчитывался о состоянии своей работы. По сообщению ВАЛ материал для выпуска «Моллюски наземные» (т.е. семейство Buliminidae) находится в стадии обработки; за неимением литературы, вышедшей ещё до войны, обработка задержалась» (СПбФ АРАН, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 334 л. 87 об).

Сведения о том, что ВАЛ работает над рукописью этой книги, прослеживаются в архивных документах вплоть до начала 1930-х гг. Повидимому, объем и содержание будущей монографии неоднократно менялись. В план работы ЗМАН на первую пятилетку (1930–1934 гг.) ВАЛ включил сразу три малакологические монографии, одна из которых – определитель по семействам Buliminidae, Clausiliidae и Pupillidae для серии «Фауна СССР». Кроме того, он планировал подготовить «определитель вредных улиток» для серии «Определители по фауне СССР», а также определитель пресноводных моллюсков Европейской России для той же серии (СПбФ АРАН, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 27, лл. 14-16). Ни один из этих проектов осуществлён не был...

Вероятно, рукопись тома о наземных моллюсках для «Фауны России» существовала хотя бы вчерне, но она отсутствует в фонде Линдгольма в СПбФ АРАН, а также в архиве Зоологического института РАН (П.В. Кияшко, личное сообщение). Скорее всего, её следует считать погибшей. Интересно сообщение Г.Ю. Любарского (Любарский [Lyubarsky] 2009) о том, что ученик ВАЛ Борис Цветков перед войной подготовил рукопись по наземным моллюскам для «Фауны СССР», но она не была опубликована и хранится ныне в Зоологическом музее МГУ. Возможно, в ней были использованы материалы, подготовленные Линдгольмом.

Замысел публикации обобщающих трудов по континентальным моллюскам Российской империи – СССР осуществился только в середине прошлого века (Жадин [Zhadin] 1952; Лихарев и Раммельмейер [Likharev and Rammelmeyer] 1952).

Однако труд, затраченный ВАЛ на подготовку монографии для «Фауны России», не пропал совершенно. Можно предполагать, что несколько его крупных публикаций 1920-х гг., посвященных систематике и номенклатуре двух семейств наземных брюхоногих Enidae (Lindholm 1925c) и Clausiliidae (Lindholm 1924b, 1925d), возникли именно в процессе обработки этих таксонов для «Фауны».

В 1920-е гг. ВАЛ много занимается палеомалакологией. Первая из его публикаций об ископаемых моллюсках появляется в 1921 г., а в 1924 г., по приглашению палеомалаколога И.В. Даниловского (1879–1959), Линдгольм устраивается по совместительству в палеонтологический подотдел Геологического комитета, где в его обязанности входит систематическая обработка коллекций ископаемых континентальных моллюсков.

ВАЛ принадлежит честь быть одним из первых авторов (наряду с Э. фон Мартенсом и В.В. Богачевым), описавших богатейшие плиоценовые фауны пресноводных моллюсков юга Западной Сибири. Им напечатаны две объемные статьи (или небольшие монографии) об ископаемых моллюсках плиоцена юга Западной Сибири (Lindholm 1932a, b) с большим числом описанных новых таксонов. Впоследствии эти фауны активно изучались отечественными палеонтологами (Богачев [Bogachev] 1961; Зыкин [Zykin] 1979, 2012). Ещё одним интересным аспектом деятельности ВАЛ как палеомалаколога было выявление фаунистических связей между Северной Азией и Северной Америкой на основе изучения ископаемых моллюсков (Линдгольм [Lindholm] 1932c).

Необходимо отметить также две его статьи о моллюсках, найденных при археологических раскопках, – неолитической стоянки в Московской губернии (Линдгольм [Lindholm] 1925d), древнегреческого города Ольвия в северном Причерноморье и поселений неолитической Трипольской культуры на Украине (Линдгольм [Lindholm] 1927d). Интересно, что в материалах

из Ольвии ВАЛ нашёл раковины крупных наземных моллюсков семейства Helicidae (виноградные улитки), не характерных для фауны северного Причерноморья и, вероятно, завезённых в античное время греческими колонистами из Турции и с Балкан. Возможно, это указывает на то, что эти моллюски специально разводились жителями Ольвии для употребления в пищу, подобно тому как это делалось в Древнем Риме (Леонов [Leonov] 2006; Винарский [Vinarski] 2015).

Вопросы расселения наземных и пресноводных моллюсков с участием человека вообще немало занимали ВАЛ, который был одним из первых отечественных малакологов, обратившимся к популярной ныне теме биологических инвазий. Большой интерес представляют его данные о первых находках в водоёмах различных регионов Российской империи инвазивной пресноводной улитки *Physella acuta* (Draparnaud, 1805) [Lindholm 1910, 1913, 1929c]. Они имеют большую ценность для реконструкции этапов расселения этого моллюска по Европе (Vinarski 2017; Винарский [Vinarski] 2018). В 1926 г. в профильном журнале «Защита растений» он публикует небольшую заметку о возможности расселения наземных моллюсков с семенами растений (Линдгольм [Lindholm] 1926b).

Если рассматривать деятельность ВАЛ в контексте истории малакологии в целом, то он предстаёт фигурой, целиком принадлежащей девятнадцатому веку, несколько архаичной на фоне бурного развития зоологии беспозвоночных в первой половине прошлого столетия. Подобно своим учителям, выдающимся исследователям моллюсков конца девятнадцатого века (В. Кобельт, О. Бёттгер), ВАЛ представлял тип классического музейного конхолога; его научные интересы лежали в области систематики, номенклатуры и фаунистики континентальных моллюсков, а исследовательская методология базировалась почти исключительно на изучении признаков раковины. Исключения крайне редки. Например, в диагнозе байкальского семейства Benedictiidae Clessin, 1880 ВАЛ приводит не только признаки раковины, но также сведения о наружном строении моллюсков, их репродуктивной анатомии и структуре радулы (Lindholm 1909: 30). Позднее ВАЛ определённо высказался о необходимости анатомических данных для основания таксонов моллюсков ранга подсемейства, семейства и выше (Lindholm 1927b).

Однако описанные им многочисленные таксоны ранга рода и ниже обоснованы чисто конхологически, хотя в 1910-е гг. уже проводились исследования, в которых анатомические данные использовались для классификации континентальных моллюсков (Baker 1911; Roszkowski 1914). Один из авторов этих работ, польский малаколог В. Рошковский, в предреволюционные годы был аффилиирован с ЗМАН и контактировал с Линдгольмом, но никаких следов его влияния на последнего нет.

Точно так же в трудах ВАЛ не используются новейшие на тот момент методы вариационной статистики, применение которых к изучению континентальных моллюсков началось в первые годы XX в. (см. обзор Винарский [Vinarski] 2013). Он принадлежал к поколению систематиков, ещё не проникшихся «популяционным мышлением» (Яблоков [Yablokov] 1966; Mayr 1982; Винарский [Vinarski] 2013) и не работавших с репрезентативными выборками экземпляров для выявления внутривидовой изменчивости. В редких случаях (см, например, Lindholm 1931) для характеристики и разграничения близких видов ВАЛ применял количественные данные, но их использование сводилось исключительно к сопоставлению абсолютных размеров раковин, без попыток числового выражения их пропорций.

Активное использование биометрии в отечественной малакологии начнётся в трудах младших современников Линдгольма (Жадин [Zhadin] 1923; Добржанский и Коссаковский [Dobrzhansky and Kossakovsky] 1925; Терентьев [Terentiev] 1928).

Равно далёк был ВАЛ и от обсуждения общебиологических вопросов. Явно избегая теоретизирования, к которому были склонны некоторые его современники-систематики (А.П. Семенов-Тян-Шанский, Л.С. Берг, Е.С. Смирнов, В.Н. Беклемишев), он посвятил себя чисто дескриптивной зоологии. Всего за свою научную карьеру ВАЛ описал в качестве новых для науки (включая предложенные им замещающие названия) около 365 таксонов моллюсков разного ранга, от семейства до формы. Многие из них признаются валидными в современной литературе.

В конце жизни ВАЛ перестал быть единственным на всю страну специалистом по континентальным моллюскам, в руки которого попадали практически все вновь собранные коллекции. С 1920-х гг. подобные материалы поступали на обработку не только ему, но и В.И. Жадину (1896–1970), работавшему сначала в Муроме, а затем в Нижнем Новгороде (Жадин [Zhadin] 1991). Этому молодому и энергичному специалисту удаётся то, что не удалось ВАЛ, загруженному редакторской и административной работой, – издать первую обобщающую монографию о пресноводных моллюсках отечественной фауны (Жадин [Zhadin] 1933). Именно Жадину предстояло заместить ВАЛ в Зоологическом институте и на несколько десятилетий стать негласным лидером «пресноводной» малакологии в СССР.

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ (быт, семья, финансы)

“Моя кухонная (прих.-расх.) книжка стоит «Писем Тургенева к Виардо». Это – другое, но это такая же ось мира и, в сущности, такая же поэзия”
В.В. Розанов, "Опавшие листья", 1913 г.

Подробностей личной жизни ВАЛ сохранилось не очень много. Долгое время он оставался холостяком. В списке личного состава ЗМАН за 1921 г. он значится как «одинокий» (СПбФ АРАН, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 236, л. 1). В дореволюционные годы спутником его жизни была только собака[7]. Десять лет спустя в данных анкеты упоминается жена ВАЛ – Дарья Ивановна Линдгольм. Всё, что известно об этой женщине, легко уместить в несколько строк. Она была старше мужа на два года (в 1931 г. ей было 59 лет) и находилась на его иждивении: видимо, была домохозяйкой (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 36). Единственный сохранившийся в фонде ВАЛ документ, связанный непосредственно с ней, это – прошение в ЖАКТ о выдаче ей ордера на туфли и трикотаж (Приложение 2, документ 8). Дарья Ивановна пережила мужа на несколько лет и в марте 1942 г. стала одной из многочисленных жертв ленинградской блокады[8]. Детей в их браке не было.

С 1914 г. и до конца жизни ВАЛ проживал в Петрограде – Ленинграде по одному адресу: ул. Лахтинская, д. 24, кв. 17. В то время это был новый дом, построенный в 1910–1911 г. архитектором А.Л. Лишневским в стиле модерн. Дом принадлежал самому архитектору, и квартиры в нем сдавались внаём (доходный дом). Квартира семьи Линдгольмов состояла из двух комнат площадью 46 м^2 (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 36, л. 22). В первые десятилетия XX в. значительная часть жилого фонда Петербурга состояла из таких небольших одно- или двухкомнатных квартир (Юхнева [Yukhneva] 2012).

Ничего неизвестно о финансовом состоянии ВАЛ в «любительский» период его жизни, но вероятно, что переход в 1914 г. на службу в ЗМАН на должность сверхштатного сотрудника означал для него определённые потери в заработке. Оклады рядовых сотрудников этого учреждения традиционно были невелики. Ещё в 1889 г. А. Штраух прямо писал, что «при петербургской дороговизне» консерваторы и препараторы ЗМАН вынуждены искать побочные заработки, а «учёные хранители при первой возможности оставляют Музей ради лучше оплачиваемых должностей» (Штраух [Strauch] 1889: 42). Только в 1895 г. зарплата [по крайней мере части сотрудников учреждения (старших хранителей)] «достигает уровня, обеспечивающего средства к существованию без дополнительных приработков, в связи с чем запрещается совместительство» (Слепкова [Slepkova] 2006: 15).

Благодаря наличию подённых записей о расходах, методично делавшихся ВАЛ с конца 1914 г. по начало лета 1918 г. (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, № 1, лл. 62слл), можно составить представление об уровне жизни рядового сотрудника академического учреждения в предреволюционные годы. Возьмём для примера конец 1914 г. Как известно, в качестве сверхштатного зоолога ВАЛ получал 100 руб. в месяц из «специальных сумм Музея». Судя по структуре его расходов за отдельные дни, он вёл достаточно скромную жизнь. Так, 4 ноября 1914 г. траты ВАЛ составили (в копейках): хлеб (7), сметана (6), стекло (15), газета (2), колбаса (8), фитиль (3), свёкла (4). А вот день 1 декабря того же года, куплены: булка (6), молоко (5), газета (3), керосин (50), масло (33), огурцы (4), сметана (5), хлеб (5), яйца (16). Исключения из этого скромного ассортимента очень редки. Так, 24 декабря 1914 г., перед Рождеством, зафикси-

рованы следующие статьи расходов: булки (4), молоко (5), яйца (16), крупа (6), молоко (5), гусь (1 руб. 85 коп.), булки (21), молоко (10), «белое [вино? – М.В.]» – 1 руб. 46 коп., сухофрукты (70), извозчик – 80 копеек (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, № 1, лл. 69). Иногда в списке продуктов попадается «рябчик». Вопреки В.В. Маяковскому, с лёгкой руки которого рябчик стал считаться пищей «буржуев», атрибутом роскошного стола, позволить его себе мог и скромный научный работник (рябчик в ноябре 1914 года стоил 65 коп., а курица – 75 коп.).

Если суммировать все ежедневные траты за ноябрь 1914 г., то за месяц они составили 36 руб. 42 коп. К этим ежедневным расходам добавляются разовые выплаты – 8 рублей прислуге (вероятно, приходящей), старшему дворнику – 5 руб, монтёру – 3,50 руб, покупка сапог – 9 с половиной руб. и т.д. Всего за ноябрь таких расходов набралось 45,5 руб. В ноябре нет записей о расходах на транспорт (трамвай, извозчик), возможно потому, что ВАЛ ходил на службу в ЗМАН пешком. Итого задокументировано за ноябрь расходов на 81 руб. 92 коп. За вычетом этих денег от жалованья оставалось чуть менее 20 руб. Во сколько обходилась ВАЛ квартирная плата – неизвестно. Стоимость аренды двухкомнатной квартиры в столице начала прошлого века сильно зависела от расположения дома, этажа размещения квартиры и других факторов (Юхнева [Yukhneva] 2012). В 1910 г. средняя годовая плата за съем двухкомнатной квартиры в Петербурге составляла 249 руб., т. е. чуть более 20 руб. в месяц (Юхнева [Yukhneva] 2012). Если предположить, что в 1914 г. ВАЛ платил домовладельцу примерно такую сумму, то можно сделать вывод, что музейного жалования ему в обрез хватало на скромную холостяцкую жизнь. Это подтверждается отсутствием сведений о работе ВАЛ по совместительству. В отчётах ЗМАН за 1915–1917 гг., опубликованных в составе «Ежегодников Зоологического музея», есть сведения о побочных заработках музейных работников (в основном связанных с преподаванием). Имя ВАЛ в перечнях служащих, работавших по совместительству, ни разу не упомянуто.

Первая мировая война и последовавшая за ней революция вызвали быстрое обесценивание денег. Из года в год стоимость жизни росла. Если в ноябре 1914 г. курицу можно было купить за 75 коп., то, согласно записям Линдгольма, спустя два года она стоила уже два с половиной рубля, в ноябре 1917 г. – 4,85 руб., а в апреле 1918 г. за две курицы ВАЛ отдал 28,45 руб. Пресловутые рябчики с ноября 1914 г. по апрель 1918 г. выросли в цене в 17 раз (с 65 коп. до 11 руб.). Затраты ВАЛ на продукты, керосин, газеты и т.п. в апреле 1915 г. составили 45,29 руб., а в ноябре 1916 г. – уже 70,29 руб., при том что в качественном отношении статьи ежедневных расходов практически не изменились.

Последние записи о покупке продуктов, сделанные ВАЛ в начале лета 1918 г., отражают цены и рацион питания времени начала военного коммунизма: приобретались какие-то «коренья» (3 руб. 60 коп.), молоко (3 руб.), рыба (5 руб.), щавель (1 руб. 50 коп.), картофель (8 руб.) и т.д. Мясо исчезло из рациона осенью 1917 г., вскоре после Октябрьского переворота.

Эпоха военного коммунизма многократно охарактеризована в исторической и мемуарной литературе как время острейшего продовольственного и товарного голода и возврата практически к натуральному хозяйству[9]. Это заставило многих, в том числе и ВАЛ, искать дополнительные источники заработка, причём важнейшим стимулом были не деньги как таковые, утратившие в те годы свою функцию меры стоимости, а пайки «натурой», которые полагались работникам государственных учреждений. «Это было время классовых пайков, заколоченных магазинов, темных улиц, голода, разрухи и террора… Ключевым словом эпохи стал «паек». Запрещение торговли привело к ликвидации магазинов, рынков и заведений общепита. Новой власти важно было кормить граждан только из своих рук, контролируя их лояльность и классовую принадлежность. Введенная продразверстка предполагала изъятие “излишков” хлеба у крестьян силой… Отнятое продовольствие распределялось в городах по карточкам. Горожане … пытались сами обменивать в деревнях вещи на продукты, толкались на барахолках, правдами и неправдами выбивали доппайки — красноармейский, трудовой, медицинский…» (Петрова [Petrova] 2013: 18).

Именно в первые постреволюционные годы ВАЛ становится сотрудником Лахтинской экскурсионной станции (полное название – «Лахтинская Экскурсионная Станция и Музей при-

роды северного побережья Невской губы») – одной из шести экскурсионных станций для школьников, организованных в 1919 г. История этих станций, подробно рассмотренная в статье А.В. Самокиш (Самокиш [Samokish] 2014), – это одна из наиболее интересных страниц в развитии преподавания биологии в нашей стране. Новый подход к обучению состоял в том, чтобы «учащийся мог не просто прочитать, но самостоятельно провести исследование–наблюдение в природе» (Самокиш [Samokish] 2014). Именно с этой целью были созданы вспомогательные педагогические учреждения – экскурсионные станции.

ВАЛ работал на станции в 1919–1922 гг. в должности зоолога–руководителя (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 36). В его обязанности входили разработка и проведение зоологических экскурсий со школьниками в ближайших окрестностях Петрограда. В его архиве сохранилась программа занятий по зоологии с учащимися на Лахтинской экскурсионной станции (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 32, л. 3), предполагавшая проведение серии экскурсий с ознакомлением школьников с фауной леса (смешанного и хвойного), кустарниковых зарослей, пашен и огородов, ознакомление с водной фауной местообитаний различного типа. Осваивались некоторые виды лабораторных работ (составление коллекций насекомых). Также сохранилась составленная ВАЛ подробная программа «Малакозоологической экскурсии в смешанный лес между Конной Лахтой и Черной речкой» (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 32, л. 4). В ней содержится детальное описание маршрута экскурсии, с характеристикой типов растительности и перечнем встречающихся в данной местности видов наземных моллюсков.

Руководителем Лахтинской станции был геолог и полярный исследователь П.В. Виттенбург, с которым ВАЛ в те же годы взаимодействовал при обработке ископаемых моллюсков, собранных геологической экспедицией, работавшей под руководством Виттенбурга на севере Кольского полуострова (Линдгольм [Lindholm] 1921). Работая на Лахтинской станции, ВАЛ мог контактировать с многими выдающимися представителями научного и культурного мира Петрограда. Достаточно сказать, что среди участников образовательных проектов на станции были писатель и журналист К.И. Чуковский, историк С.Ф. Платонов, художник А.Н. Бенуа и др. (Самокиш [Samokish] 2014). Из коллег ВАЛ по ЗМАН в числе сотрудников станции была энтомолог Э.Ф. Мирам, создавшая энтомологический отдел этого учреждения (СПбФ АРАН, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 248, л. 29).

Если не считать руководство аспирантами, то работа ВАЛ на Лахтинской станции – единственный задокументированный пример его деятельности на педагогическом поприще. Все остальные занятия в сторонних учреждениях связаны исключительно с научной деятельностью.

Наиболее длительной стала работа ВАЛ по совместительству в Геологическом комитете в качестве «научно-технического работника» в отделе палеонтологии. Двадцать третьего октября 1924 г. он получил письмо от геолога и палеомалаколога И.В. Даниловского с предложением трудоустройства в комитете с жалованием 63 руб. в месяц. Основная задача ВАЛ должна была заключаться в обработке «фауны пресноводных и наземных моллюсков в Петроградской губернии и соседних с нею областях» (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 2, ед. хр. 17). Именно с этим связаны публикации ВАЛ конца 1920-х – начала 1930-х гг. с описанием ископаемых моллюсков Сибири и других регионов (см. выше).

Двадцать девятого октября 1924 г. ВАЛ подаёт заявление в Совет Зоомузея, в котором просит откомандировать его для занятий в Геологический комитет на два дня в неделю. Мотивировка: в Геолкоме есть ценные и нуждающиеся в обработке коллекции рецентных и ископаемых моллюсков, а также «полные комплекты иностранных малакологических журналов, получение коих Зоологическим музеем прекратилось с 1914 года» (СПбФ АРАН, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 242, л. 94). Можно думать, однако, что принять приглашение Даниловского ВАЛ заставили не только научные интересы, но и стеснённые материальные обстоятельства, может быть, женитьба на Дарье Ивановне. По крайней мере в одной из анкет, составленных в 1929 г., он объясняет своё совместительство в Геолкоме «недостаточной оплатой по основной научной работе» (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 2, ед. хр. 36, л. 46). Из документов следует, что работа в Геолкоме оплачивалась гораздо выше, чем служба

в ЗМАН. В 1929 г. ВАЛ был занят в ЗМАН четыре дня в неделю (понедельник, среда, четверг и суббота) с девяти утра до половины шестого вечера, а по вторникам и пятницам он работал в Геолкоме. При этом в ЗМАН он получал 170 руб. в месяц, а работая по совместительству, при вдвое меньшей нагрузке, 225 руб. (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 2, ед. хр. 36, л. 46, 49).

В целом в финансовом отношении вторая половина 1920-х гг. складывалась довольно благополучно для ВАЛ. Оклады сотрудников ЗМАН постепенно росли (см. Табл. 1), а служба в Геолкоме давала прочный дополнительный заработок. В 1931 г. его ежемесячный доход на двух местах службы составлял в совокупности около 450 руб. (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 2, ед. хр. 36, л. 22). Много это или мало? Е.А. Осокина (Осокина [Osokina] 2008) приводит цифры оплаты труда различных категорий трудящихся в СССР, позволяющие сделать определённые выводы. В начале 1930 г. в Советском Союзе была проведена тарификация зарплат, в соответствии с которой большинство рабочих имело зарплату в 60–90 руб. В октябре 1933 г. средняя зарплата рабочих в СССР выросла до 125 руб., причём очень небольшой слой высокооплачиваемых пролетариев имел зарплату в 300–400 руб. в месяц. В те же годы школьные учителя получали 100–130 руб., врачи – 150–275 руб., средний и младший медперсонал – 40–50 руб. в месяц. Таким образом, ВАЛ мог считать себя высокооплачиваемым работником и не испытывать нужды в деньгах, как это было в начале двадцатых годов.

В то же время нельзя забывать, что начало 1930-х гг., после свёртывания политики НЭПа, характеризовалось очередной волной товарного голода. В стране была введена система нормирования продуктов и других товаров широкого спроса (см. Приложение 2, документ 7). Дефицит продуктов в государственных магазинах привёл к развитию частной торговли на рынках, где цены были значительно выше, чем в госсекторе. Так, в 1932 г. средняя цена на мясо на московских рынках была 11 руб/кг, молока – 2 руб/л. Купить эти продукты в государственных магазинах было очень трудно, и даже в Москве и Ленинграде многие семьи очень большую долю продуктов покупали по рыночным ценам (Осокина [Osokina] 2008).

Работа ВАЛ в Геологическом комитете завершилась в 1931 г. Скорее всего это связано с реорганизацией этого учреждения, сопровождавшейся репрессиями и разгромом «группы вредителей и шпионов, возглавлявшейся Пальчинским, Тихоновичем, Котульским». Современные исследователи помещают «дело Геолкома» в ряд других сфабрикованных ГПУ «политических дел, направленных против «старых» специалистов и учёных»: дела «Промпартии», «Шахтинского дела» и др. (Заблоцкий [Zablotskiy] 1999).

Потеря этого заработка, видимо, ощутимо сказалась на жизни семьи Линдгольма. К 1932 г. относятся расписки, полученные ВАЛ от некоего И.И. Полежаева, которому супруги сдавали одну из комнат своей квартиры за 30 руб. в месяц, включая коммунальные услуги, и сверх того 2 руб. за электричество (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 25). По-видимому, этот жилец имел некоторое отношение к научной работе, по крайней мере в расписке он упоминает о своём предполагаемом участии в экспедицию на Землю Франца-Иосифа (июль 1932–июль 1933 г.).

В том же 1932 г. ВАЛ имеет и другие (хотя и непериодические) источники заработка. Он определял коллекцию моллюсков Ладожского озера по заказу Государственного гидрологического института, за что получил 50 руб. (расписка от 21.05.1932 – СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 25, л. 7). В феврале 1932 г. он получил 200 руб. в качестве аванса за определение фауны из лёссов в окрестностях Алма-Аты (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 25 л. 118). Вероятно, этот заказ был обусловлен давними связями Линдгольма в Геолкоме.

Можно только догадываться, в каких сложных материальных условиях чета Линдгольмов оказалась после его ухода из Зоологического института, и о том, на какие средства жила его вдова после 1935 г. Архивные документы не дают ответа на этот вопрос.

Политические взгляды ВАЛ неизвестны. Ни в дореволюционное, ни в советское время он не состоял в политических партиях, не участвовал в тайных обществах (см. Приложение 2, документ 2) и, вероятно, был вполне лоялен к действующей власти, какова бы она ни была. Из «общественных инициатив» ВАЛ известен только проект создания Русского малаколо-

Таблица 1. Послужной список В.А. Линдгольма в Зоологическом музее Императорской Академии наук – Зоологическом институте Академии наук СССР.

Table 1. The record of W.A. Lindholm service at the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences – Zoological Institute of the Academy of Sciences of the USSR.

Дата Date	Должность Position	Месячный оклад Month salary	Источник Source of data
1914 (октябрь) 1914 (October)	Сверхштатный старший зоолог Senior zoologist (supernumerary)	100 руб. «из специальных средств музея» 100 roubles, "from a special museum fund"	Ф. 4, оп. 4, ед. хр. 4640, л. 1 об. Fund 4, inventory 4, file 4640, page 1 ob.
1916 (апрель) 1916 (April)	Штатный младший зоолог Junior (staff) zoologist	160 руб. 83 коп., включая квартирные и столовые деньги. 160,83 roubles, including the "apartment and table money"	Ф. 4, оп. 4, ед. хр. 4640, л. 27. Fund 4, inventory 4, file 4640, page 27.
1918 (сентябрь) 1918 (September)		2000 руб. 2000 roubles	Ф. 4, оп. 4, ед. хр. 4640, л. 1 об. Fund 4, inventory 4, file 4640, page 1ob.
1919–1920. Перерыв в архивных документах. Период «военного коммунизма». 1919–1920. A break in archival documents. The epoch of "war communism".			
1921	Старший зоолог Senior zoologist	16875 руб. плюс учёный паек 16875 roubles + scientific ration	Ф. 55, оп. 1, ед. хр. 236, л. 16–20 «Личный состав ЗМ» Fund 55, inventory 1, file 236, pages 16–20 "A list of Zoomuseum personnel".
1922–1923. Перерыв в архивных документах. Период гиперинфляции, закончившийся денежной реформой, деноминацией и введением золотого червонца. 1922–1923. A break in archival documents. The period of hyperinflation, which ended with the monetary reform, denomination and the introduction of the golden rouble (so called "chervonets").			
1924	Учёный хранитель Зоомузея Learned curator of the Zoological Museum	46 руб. 50 коп. золотом* 46,50 golden roubles	ф. 55, оп. 1, ед. хр. 242, лл. 112–115. «Список всех служащих по Зоологическому Музею Российской Академии Наук». Fund 55, inventory 1, file 242, pages 112–115 "A list of all employees of the Zoolofical Museum of the Russian Academy of Sciences".
1926–1927		150 руб. 150 roubles	Ф. 4, опись 4, ед. хр. 4640, лл. 6–7 Fund 4, inventory 4, file 4640, pages 6–7.
1929	Старший зоолог Senior zoologist	170 руб. 170 roubles	Ф. 308, оп. 1, ед. хр. 36, л. 46 Fund 308, inventory 1, file 36, page 46.
1931	Старший зоолог* Senior zoologist	225 руб. 225 roubles	Ф. 55, оп. 1, ед. хр. 271 л. 141. «Сметы ЗИН, штатные расписания, сметы, списки сотрудников» Fund 55, inventory 1, file 271, page 141. "Estimates of the Zoological Institute, staff lists, estimates, enumerations of employees".
1932 (март) 1932 (March)	Старший зоолог Senior zoologist	325 руб. 325 roubles	Ф. 55, оп. 1, ед. хр. 271 лл. 147–149 Fund 55, inventory 1, file 271, pages 147–149.
С 15 марта 1933 г. Since 15 March 1933		350 руб. 350 roubles	Ф. 55, оп. 1, ед. хр. 271, л. 175, л. 180 Fund 55, inventory 1, file 271, page 180.
01.01.1934		350 руб. 350 roubles	Ф. 55, оп. 1, ед. хр. 271, л. 175, л. 197. «Список штатных служащих ЗИН АН по госбюджету» Fund 55, inventory 1, file 271, pages 175, 197 "List of ZIN AN staff on the state budget".

Таблица. 1. *Продолжение.*
Table 1. *Continued.*

Дата Date	Должность Position	Месячный оклад Month salary	Источник Source of data
1934 (апрель) 1934 (April)	Старший зоолог Senior zoologist	ВАЛ в списке отсутствует, его место занимает В.И. Жадин с окладом 550 руб.** W. Lindholm is absent from the staff list. His place is taken by V. Zhadin, with salary of 550 roubles.	Ф. 55, оп. 1, ед. хр. 271, л. 175, л. 204 Fund 55, inventory 1, file 271, pages 175, 204.

Примечания: *Для сравнения укажу размеры месячного заработка других служащих ЗМАН на этот момент: старшие зоологи (включая и.о. директора) – 49 руб. 56 коп., препараторы – 31 руб. 04 коп., «младший служитель внутренней службы» – 19 руб. 40 коп. ** В это время зоолог имел месячный оклад 200 руб., машинистка – 100 руб., швейцар – 65 руб., служитель – 70 руб. ** Старшие зоологи в это время получали от 450 до 550 руб, некоторые (А.Н. Кириченко, Б.С. Виноградов) – 600 руб.

Notes: * For comparison I give here the monthly salaries of other employees of the Zoological Museum at that moment: senior zoologists (including the acting director) – 49, 56 roubles, conservators – 31, 04 roubles, and "a junior technician of internal service" – 19, 40 roubles. **At this time, the zoologist had a monthly salary of 200 roubles, a typist – 100 roubles, a doorman – 65 roubles, a technician – 70 roubles. ** Senior zoologists at this time earned monthly from 450 to 550 rubles, some (A.N. Kirichenko, B.S. Vinogradov) – 600 rubles.

гического общества (см. Приложение 2, документ 7), так никогда и не реализованный и, вполне возможно, не продвинувшийся дальше чернового наброска. Как и многие другие начинания ВАЛ, этот проект был осуществлён только в послевоенное время (Аноним [Anonymous] 2007).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории российской науки о моллюсках ВАЛ занимает, несомненно, выдающееся место. По-видимому, его можно считать первым профессиональным малакологом в нашей стране, занимавшим официальную и оплачиваемую должность (если не упоминать, конечно, геологов, занимавшихся палеомалакологией, таких как Н.И. Андрусов или И.Ф. Синцов). Его выдающие предшественники, отечественные исследователи моллюсков, такие как А.Ф. Миддендорф и Л.И. Шренк, были, скорее, натуралистами широкого профиля; их научные интересы выходили далеко за рамки зоологии, охватывая и физическую географию, и этнологию, и даже языкознание (Сухова и Таммиксаар [Sukhova and Tammiksaar] 2015; Лутаенко [Lutaenko] 2016). Линдгольм же, несмотря на его интерес к рептилиям, может считаться малакологом *par excellence*: недаром в ЗМАН его служебные обязанности состояли как раз в заведывании отделением моллюсков и брахиопод.

Для лучшего понимания фигуры ВАЛ и масштаба сделанного им, напомним, что, когда он начинал свою научную деятельность в области изучения моллюсков, в Российской империи практически не было профессиональных малакологов (Винарский [Vinarski] 2010). Любители-конхологи тоже были немногочисленны. Как правило, они жили в провинции, далеко от музеев и крупных библиотек, были разобщены и публиковали свои работы в малоизвестных периферийных изданиях или в виде брошюр, печатаемых за собственный счёт. Их труды полны жалоб на отсутствие поддержки и сочувствия на родине (Величковский [Velichkovsky] 1910) и сетований на то, что «конхилиология, имеющая в Западной Европе так много адептов, что с нею в этом отношении могли бы состязаться только некоторые наиболее излюбленные отрасли энтомологии, в России почти не разрабатывается» (Круликовский [Krulikovsky] 1889: 1). Однако и в западноевропейских странах на рубеже XIX–XX вв. большинство малакологов занималось изучением моллюсков в свободное от служебных занятий время. Это справедливо даже для крупнейших систематиков и фаунистов того периода, таких как Ш. Клессин (служивший чиновником на железной дороге) или К.А. Вестерлюнд (работавший директором гимназии). Две отрасли систематики, энтомология

и малакология (конхология), были и остаются сферами, где вклад непрофессионалов в инвентаризацию фауны особенно велик. До сих пор значительная доля новых таксонов моллюсков описывается авторами, не имеющими аффилиации с каким-либо научным и образовательным учреждением и зачастую не получившими биологического образования (Bouchet 1997; Bouchet et al. 2016).

В этом отношении судьба ВАЛ представляет счастливое исключение. Выходец из среды натуралистов-любителей, он сумел подняться на ступень выше, стать успешным профессиональным зоологом и выстроить научную карьеру в области зоосистематики. На это ему понадобилось полжизни, но ещё в «любительский» период ВАЛ приобрёл настолько высокий авторитет, что ему доверяли обработку малакологических коллекций, собираемых экспедициями в различных регионах Российской империи (Байкал, Ладожское озеро, север Западной Сибири и др.). Похожие истории успеха описаны и для других систематиков первой половины прошлого века (Hancock 2018). Впрочем, можно предполагать, что если бы ему не посчастливилось попасть на службу в ЗМАН, ВАЛ продолжил бы до конца своих дней заниматься описательной таксономией моллюсков в качестве волонтёра какого-нибудь естественноисторического музея.

Хотя таксономико-фаунистические исследования ВАЛ в плане географическом охватывали почти всю территорию Российской империи – СССР, от северо-запада Европейской России до Приморья, но наиболее значимый вклад сделан им в познание континентальной малакофауны оз. Байкал, Средней Азии и Кавказа. В области палеомалакологии наибольшее значение имеет сделанная ВАЛ монографическая обработка коллекций позднетретичных моллюсков юга Западной Сибири.

Излюбленными его научными жанрами были аннотированные фаунистические списки, таксономические ревизии и каталоги, заметки о нахождениях новых и редких видов. Очевидно, он имел вкус к большим таксономическим монографиям, прекрасный образец которых представляет его описание своеобразной высокоэндемичной малакофауны Байкала (Lindholm 1909). Однако превратности революционного времени и Гражданской войны помешали ему закончить и опубликовать в серии «Фауна России» монографию, посвященную наземным моллюскам нашей страны.

После смерти ВАЛ не был совершенно забыт. Это в принципе невозможно для автора нескольких десятков таксономических публикаций, в которых описаны многочисленные таксоны моллюсков и рептилий. На его описательные труды до сих пор активно ссылаются; коллекция моллюсков, собранная ВАЛ, поныне привлекает внимание специалистов, но вышло так, что детали биографии этого трудолюбивого человека оставались до сих пор не выясненными. Публикуя эту статью, в которой в научный оборот вводятся материалы архивного фонда В.А. Линдгольма и даётся анализ его малакологических исследований, мы восполняем этот пробел и отдаём дань памяти выдающемуся зоологу, внёсшему немалый вклад не только в познание отечественной фауны, но и в развитие Зоологического музея и Зоологического института Российской академии наук.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор признателен своим коллегам – малакологам и историкам науки – за обсуждение различных вопросов, связанных с реконструкцией биографии В.А. Линдгольма, и за полезные советы: Л.Я. Боркину, И.Г. Данилову, П.В. Кияшко и Н.В. Слепковой (ЗИН РАН), А.А. Федотовой (СПбФ ИИЕТ РАН), Т.Я. Ситниковой (ЛИН РАН), М.Е. Гребенникову (Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург). Хочется поблагодарить сотрудников Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и библиотеки Зоологического института РАН за постоянную бескорыстную помощь в работе с архивными источниками и литературой. Особая признательность – В.В. Анистратенко (Институт зоологии Национальной Академии наук Украины) и П.В. Кияшко, выступивших в качестве рецензентов этой статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Adler K. 2012. Lindholm, Wilhelm A. (1874–1935). In: K. Adler (Ed.) Contributions to the history of herpetology. *Society for the Study of Amphibians and Reptiles*, **3**: 190–191.

Anonymous. 1915. What language to print Russian scientific papers? *Byulleten' Khar'kovskogo obshchestva lyubiteley prirody*, **4**(1): 75–78. [In Russian].

Anonymous. 1936. Wilhelm A. Lindholm, 1874–1935. *The Nautilus*, **50**(2): 69.

Anonymous. 2007. Short history of the Russian malacological meetings during the past 45 years. In: Egorova E.N., Kijashko P.V. and Sirenko B.I. (Eds) Molluscs: Morphology, taxonomy, phylogeny and ecology. Seventh (XVI) Conference on study of molluscs. The collected articles. Zoological Institute, Saint-Petersburg, 7–8. [In Russian].

Baker F.C. 1911. The Lymnaeidae of North and Middle America. *Special publication of the Chicago Academy of Sciences*, **3**: XVI+539 p. https://doi.org/10.5962/bhl.title.20500

Behning A.L. 1925. 25 years of the Volga biological station. *Works of the Volga biological station*, **8**(1–3): 3–54. [In Russian].

Beolens B., Watkins M. and Grayson M. 2011. The Eponym Dictionary of Reptiles. John Hopkins University Press, Baltimore, xiii+296 pp.

Berg L.S. 1910. The fauna of Baikal and its origin. *Biologicheskiy Zhurnal*, **1**(1): 10–43. [In Russian].

Bianchi L.V. 1922. Report on the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences for 1917. *Ezhegodnik Zoologicheskogo Muzeya Imperatorskoy Akademii Nauk*, **20**: 087–0136. [In Russian].

Bianchi V.V. 2014. A brief *curriculum vitae* of Lev Valentinovich Bianchi. In: Fedyaeva T.A. Bianchi: The history of a St. Petersburg clan. Petropolis, Saint-Petersburg, **1**: 148–155. [In Russian].

Bogachev V.V. 1961. Materials for the history of the Eurasian freshwater fauna. The Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Press, Kiev. 404 p. [In Russian].

Bogolyubskiy S. 1914. On the topics of the day. *Estestvoznaniye i geografiya*, **19**(11): 81–86. [In Russian].

Bouchet Ph. 1997. Inventorying the molluscan diversity of the world: What is our rate of progress? *The Veliger*, **41**(1): 1–11.

Bouchet Ph., Bary S., Héros V. and Marani G. 2016. How many species of molluscs are there in the world's oceans, and who is going to describe them? *Mémoires du Muséum national d'Histoire naturelle*, **208**: 9–24.

Chakhotin S. 1917. From the translator. In: Bütschli O. Lectures on comparative anatomy. A.F. Devrien, Petrograd, **1**: xiv+502 p. [In Russian].

Clair M.O. 1911. Identification of the Museum's conchyliological collection by Baron O.V. Rosen. *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya*, **31**(1): 15–16. [In Russian].

Dobrzhansky Th.G. and Kossakovsky L.V. 1925. The variability of *Limnaea stagnalis* in waterbodies of the Kiew neighbourhood. *Trudy Pervogo Vserossiyskogo gidrobiologicheskogo s'ezda*. Leningrad: 481–483. [In Russian].

Doronin I.V. 2015. The unknown fate of a famous herpetologist. *Istoriko-Biologicheskiye Issledovaniya*, **7**(1): 73–78. [In Russian].

Geller-Grimm F. 2018. Wiesbaden: Museum Wiesbaden: Natural History Collections [MWNH]. In: Beck L.A. (Ed) Zoological Collections of Germany. The Animal Kingdom in its Amazing Plenty at Museums and Universities. Springer International Publishing AG, 667–674. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44321-8_56

Geptner M.V., Ivanov D.L., Kudryashova N.I., Mezhov B.V., Mikhaylov K.G. and Sokolskaya N.L. 1991. The invertebrate collections. In: Rossolimo O.L. (Ed) Two centuries in the collections of the Zoological Museum of MSU. The Moscow State University Press, Moscow, 36–68. [In Russian].

Hancock E.G. 2018. John Russell Malloch: Amateur naturalist to professional taxonomist. in: MacGregor A. (Ed) Naturalists in the Field. Brill, Leiden, 730–758.

Hesse P. 1936. W.A. Lindholm. *Archiv für Molluskenkunde*, **68**(3): 116–117.

Kobelt V. 1903. The geographic distribution of animals in cold and temperate belts of Northern Hemisphere. A.F. Devrien, Petrograd, xvi+1–643 p. [In Russian].

Kolchinsky E.I. 2015. The First World War and the mobilization model of the organization of academic science. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk*, **85**(3): 261–268. [In Russian].

Kolchinsky E.I. 2017. The Academy of Sciences and the Russian revolutions of 1917. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk*, **87**(2): 166–176. [In Russian].

Kolchinsky E.I. and Fedotova A.A. (Compilers). 2011. Biology in St. Petersburg. 1703–2008. Nestor-Istoriya, Saint-Petersburg, 568 p. [In Russian].

Kozhov M.M. 1936. Mollusks of Baikal Lake. Taxonomy, distribution, ecology, some data on genesis and history. *Trudy Baikal'skoi Limnologicheskoy Stantsii* (Travaux de la Station Limnologique du Lac Baikal), **8**: 1–320. [In Russian].

Kozhov M.M. 1962. The biology of the Baikal Lake. The Soviet Academy of Sciences Press, Moscow–Leningrad, 315 p. [In Russian].

Krulikovsky L.K. 1889. To the knowledge of the Russian malacofauna. *Zapiski Inperatorskoy Akademii nauk*, **60**(suppl. 7): 1–35. [In Russian].

Leonov S.V. 2006. The historical aspects of the human use of terrestrial snails in the Crimea. In: Chernobay Yu.N. and Sverlova N.V. (Eds) Fauna, ecology, and intraspecific variation of terrestrial mollusks in urbanized environments. Lvov, 180–188. [In Russian].

Leontiev Ya.V. 2016. The Ajax brothers (a political and scientific biography of E.N. Mal'm). The "Narodniks" in Russia's history. Voronezh State University Press, Voronezh, **2**: 244–268. [In Russian].

Likharev I.M. and Rammelmeyer E.S. 1952. Land snails of the USSR fauna. *Opredeliteli po faune SSSR,*

izdavaemye Zoologicheskim institutom AN SSSR, **43**: 1–512. [In Russian].

Lindholm W.A. 1901a. Zur Kenntnis der Zwergpfeifhasen (*Lagomys pusillus* Pall.). *Der Zoologische Garten*, **42**: 147–153.

Lindholm W.A. 1901b. Beiträge zur Kenntniss der Weichthierfauna Südrusslands. *Nachrichtsblatt der Deutschen Malakozoologischen Gesellschaft*, **3**3: 161–186.

Lindholm W.A. 1902a. Einige für die Fauna des St. Petersburger Gouvernements neue Binnenmollusken. *Nachrichtsblatt der Deutschen Malakozoologischen Gesellschaft*, **34**: 208–211.

Lindholm W.A. 1902b. Das Tierleben der Kargalinskaja Steppe (Orenburg). In: Kobelt W. *Die Verbreitung der Tierwelt*. Tauchnitz, Leipzig, 188–195.

Lindholm W.A. 1904. Zur Molluskenfauna der Gouvernements Kursk und Orenburg. *Ezhegodnik Zoologicheskogo Muzeya Imperatorskoy Akademii Nauk,* **8** (for 1903): 338–344.

Lindholm W.A. 1905. Über einige Eidechsen und Schlangen aus Deutsch-Neu-Guinea. *Jahrbücher des Nassauischen Vereins für Naturkunde*, **58**: 227–240.

Lindholm W.A. 1906. Beschreibung einer neuen Schildkrötenart aus Deutsch-Südwestafrika nebst Bemerkungen über die Gattung *Homopus* D. et B. *Jahrbücher des Nassauischen Vereins für Naturkunde*, **59**: 345–351.

Lindholm W.A. 1908. Materialen zur Molluskenfauna von Südwestrussland, Polen und der Krim. *Zapiski Novorossijskago Obshchestva Estestvoispytateley = Mémoires de la Société des Naturalistes de la Nouvelle-Russie*, **31**: 199–232.

Lindholm W.A. 1909. Die Mollusken des Baikalsees (Gastropoda et Pelecypoda), systematisch und zoogeographisch bearbeitet. *Wissenschaftliche Ergebnisse einer zoologische Expedition nach dem Baikal-See unter Leitung des. Prof. Alexis Korotneff i. d. J. 1900–1902*. Friedländer und Sohn, Kiew und Berlin, **4**: 1–104. https://doi.org/10.5962/bhl.title.11661

Lindholm W.A. 1910. Über *Physa acuta* und deren Vorkommen in Russland. *Nachrichtsblatt der Deutschen Malakozoologischen Gesellschaft*, **42**: 29–34.

Lindholm W.A. 1911. Materials to knowledge of the malacological fauna of the Moscow Gouvernement. *Dnevnik Zoologicheckogo otdeleniya Imperatorskogo Obshchestva Lyubiteley Estestvoispytaniya*, **3**(10): 38–54. [In Russian].

Lindholm W.A. 1912a. Über mollusken aus dem Ladogasee und der Nevabucht. *Ezhegodnik Zoologicheskogo Muzeya Imperatorskoy Akademii Nauk*, **16**: 285–310.

Lindholm W.A. 1912b. Bemerkungen über Schnecken von Irkutsk (Sibirien). *Nachrichtsblatt der Deutschen Malakozoologischen Gesellschaft*, **44**: 62–68.

Lindholm W.A. 1913. Beschreibung neuer Arten und Formen aus dem Kaukasus-Gebiete. *Nachrichtsblatt der Deutschen Malakozoologischen Gesellschaft*, **45**: 17–23, 62–69.

Lindholm W.A. 1929b. Zur Kenntnis der Malakofauna des Unterlaufes des Dnjepr. *Académie des Sciences de l'Ukraïne. Mémories de la Classe des Sciences Physiques et Mathématiques*, **11**(3): 337–367.

Lindholm W. 1929c. Drei interessante Wasserschnecken (Gastropoda) aus dem westlichen Turkestan. *Comptes Rendus de l'Académie des Sciences de l'URSS*, *Série A,* **13**: 311–314.

Lindholm W.A. 1930. Mollusken aus der Stadt Alt-Buchara und ihrer nachsten Umgebung. *Ezhegodnik Zoologicheskogo Muzeya Akademii Nauk SSSR,* **31**(1): 129–134.

Lindholm W.A. 1931. Mollusca. *Trudy Pamirskoy Ekspeditsii 1928 goda*, **8**: 29–64.

Lindholm W.A. 1932a.Mollusks from the Middle Pliocene freshwater deposits of southeastern Siberia. *Trudy Vsesoyuznogo geologo-razvedochnogo ob'edineniya NKTP SSSR,* **238**: 3–50. [In Russian].

Lindholm W.A. 1932b. Freshwater mollusks from the Pliocene deposits of the Irtysh River. *Trudy Vsesoyuznogo geologo-razvedochnogo ob'edineniya NKTP SSSR,* **239**: 3–27. [In Russian].

Lindholm W.A. 1932c. On the finding of the American species *Helisoma trivolvis* Say (Gastropoda, Planorbidae) in the Pleistocene deposits of the Kolyma River. *Trudy Komissii po izucheniyu proizvoditel'nykh sil AN SSSR*. *Seriya yakutskaya*, **11**: 65–73.

Lin'ko A.K. 1911. Gidroidy (Hydroidea). Vol. I, fasc. 1. Haleciidae, Lafoëidae, Bonneviellidae and Campanulariidae. *Fauna Rossii i sopredelnykh stran, preimushchestvenno po kollektsiyam Zoologicheskogo muzeya Imperatorskoy Akademii nauk*, xlviii+138 p. [In Russian]. https://doi.org/10.5962/bhl.title.46270

Lutaenko K.A. 2016. Leopold von Schrenck and his contribution to malacology: on the 190th birthday. *The Bulletin of the Russian Far East Malacological Society*, **20**(2): 101–135. [In Russian].

Lyubarskiy G.Yu. 2009. The history of the Zoological Museum of the Moscow State University: Ideas, people, structures. KMN, Moscow, 744 p. [In Russian].

Malm E.N. 1932. Dolphins of the Black Sea. Izdatel'stvo AN SSSR, Moscow–Leningrad, 24 p. [In Russian].

Mayr E. 1982. The growth of biological thought: Diversity, evolution, and inheritance. Cambridge (MA), Harvard University Press, 974 p.

Menzbier M.A. 1916. Birds (Aves). Vol. VI, fasc. 1. Falconiformes. *Fauna Rossii i sopredelnykh stran, preimushchestvenno po kollektsiyam Zoologicheskogo muzeya Imperatorskoy Akademii nauk*, ii+344 p. [In Russian]. https://doi.org/10.5962/bhl.title.15339

Middendorff A.Th. 1851. Mollusken. In: Middendorff A.Th. Reise in der äussersten Norden und Osten Sibiriens während der jahre 1843 und 1844. Kaiserlichen

Akademie der Wissenschaften, Saint-Pétersburg, **2**(1): 163–464.

Milashevitsch K.O. 1916. Molluscs of the Russian seas. Vol. 1. Molluscs of the Black Sea and the Sea of Azov. *Fauna Rossii i sopredelnykh stran, preimushchestvenno po kollektsiyam Zoologicheskogo muzeya Imperatorskoy Akademii nauk*, xii+312 p. [In Russian]. https://doi.org/10.5962/bhl.title.11748

Nasonov N.V. 1916. Report on the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences for 1914. *Ezhegodnik Zoologicheskogo Muzeya Imperatorskoy Akademii Nauk*, **20**: 01–0125. [In Russian].

Nasonov N.V. 1917. Report on the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences for 1915. *Ezhegodnik Zoologicheskogo Muzeya Imperatorskoy Akademii Nauk*, **20**: 01–0151. [In Russian].

Nasonov N.V. 1922. Report on the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences for 1916. *Ezhegodnik Zoologicheskogo Muzeya Imperatorskoy Akademii Nauk*, **20**: 01–080. [In Russian].

Osokina E.A. 2008. On the other side of «Stalin's Plenty»: Distribution and market supply of the population during the years of industrialization. 1927–1941. 2th edition. Rosspen, Moscow, 351 p. [In Russian].

Petrova A. 2013. 1918–1921. Petrograd under "War communism". In: Kovnatskaya L. (Ed) Shostakovich in the Leningrad Conservatoire: 1919–1930. Kompozitor, Saint-Petersburg, **1**: 18–23. [In Russian].

Römer A. 1891. Catalog der Conchylien-Sammlung des Naturhistorischen Museums zu Wiesbaden. *Jahrbücher des Nassauischen Vereins für Naturkunde*, **44**: 17–207.

Rossolimo O.L. and Dunayev E.A. (Eds). 2003. The herpetologists of Moscow. KMK, Moscow, 587 p. [In Russian].

Roszkowski W. 1914. Note sur l'appareil génital de *Limnaea auricularia* L. et de *Limnaea ovata* Drap. *Zoologischer Anzeiger*, **44**(4): 175–179.

Samokish A.V. 2014. The school extracurricular biological stations in Petrograd. *Istoriko-Biologicheskiye Issledovaniya*, **6**(1): 48–71. [In Russian].

Schileyko A.A. 1984. Terrestrial molluscs of the superfamily Pupillina of the USSR fauna (Gastropoda, Pulmonata, Geophila). *Fauna SSSR. Mollyuski*, **3**(3): 1–399. [In Russian].

Schrenck L. 1867. Mollusken der Amur-Landes und des Nordjapanischen Meeres. In: Schrenck L. *Reisen und forschungen im Amur-Lande in der Jahren 1854–56*. Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Saint-Pétersburg, **2**: 259–974.

Sitnikova T.Ya. 1987. To the systematics of baikalian endemic mollusks of the family Benedictiidae (Gastropoda, Pectinibranchia). *Zoologicheskiy Zhurnal,* **66**(10): 1463–1476. [In Russian].

Sitnikova T.Ya. 1991. The new structure of the Baikalian endemic family Baicaliidae (Mollusca, Gastropoda, Pectinibranchia). In: A.A. Linevich and E.L. Afanasieva (Eds). Morphology and evolution of invertebrates (Fauna of Baikal). Nauka, Novosibirsk, 281–295. [In Russian].

Sitnikova T.Ya. and Röpstorf P. 2004. These mollusks live only in Lake Baikal. *Nauka iz pervykh ruk*, **1**(2): 84–98. [In Russian].

Sitnikova T., Goulden C. and Robinson D. 2006. On gastropod mollusks from Lake Hövsgöl. The Geology, Biodiversity and Ecology of Lake Hövsgöl (Mongolia). Backhuys Publishers, Leiden, 233–252.

Sitnikova T.Ya., Starobogatov Ya.I., Shirokaya A.A., Shibanova I.V., Korobkova N.V. and Adov F.V. 2004. Gastropod molluscs (Gastropoda). In: Timoshkin O.A. (Ed) Index of animal species inhabiting Lake Baikal and its catchment area. Nauka, Novosibirsk, **1**(2): 937–1002. [In Russian].

Skorikov A.S. 1910. Zoological studies of the Ladoga Lake water as drinking. Gorodskaya tipografiya, Saint-Petersburg, 123 p. [In Russian].

Slepkova N.V. 2006. The development of the Zoological Museum of the Academy of Sciences as the centre of taxonomic research. Abstract of the Candidate of Biological Sciences thesis. Moscow, 26 p. [In Russian].

Sukhova N.G. and Tammiksaar E. 2015. Alexander Theodor von Middendorff: On the bicentenary of his birthday], 2nd edition, revised and expanded. Nestor-Istoriya, Saint-Petersburg, 380 p. [In Russian].

Taki I. 1937. [Obituaries]. *Venus*, **7(2)**: 95–99. [In Japanese].

Tanasiychuk V.N. 2002. From Kunstkamera... *Priroda*, **8**: 12–16. [In Russian].

Terentiev P.V. 1928. The shell variability in *Lymnaea* (*Lymnus*) *stagnalis* L. from the vicinity of Cherdyn' Town (Ural, Verkhne-Kamsky okrug). *Russkiy Gidrobiologicheskiy zhurnal*, **7**(3/4): 81–86. [In Russian].

Ushakov P.V. 2002. From memories of the past. *Trudy Zoologicheskogo Instituta RAN*, **292**: 98–139. [In Russian].

Velichkovsky V.A. 1910. Mollyuski. In: Velichkovsky V.A. Essays on the fauna of Valuiki District of the Voronezh Gouvernement, **6**: 1–111. [In Russian].

Vinarski M.V. 2010. A historical outline of study of Siberian freshwater malacofauna (end of XVIII — middle of XX centuries). *Ruthenica: The Russian malacological journal*, **20**(1): 45–67. [In Russian].

Vinarski M.V. 2013. The problem of variability in classical and non-classical systematics. *Istoriko-Biologicheskiye Issledovaniya*, **5**(2): 7–27. [In Russian].

Vinarski M.V. 2015. On the threshold of malacology: pre- and protoscientific knowledge of mollusks. *The Bulletin of the Russian Far East Malacological Society*, **19**: 47–69. [In Russian].

Vinarski M.V. 2017. The history of an invasion: phases of the explosive spread of the physid snail *Physella acuta* through Europe, Transcaucasia and Central Asia.

Biological Invasions, **19**(4): 1299–1314. https://doi.org/10.1007/s10530-016-1339-3

Vinarski M.V. 2018. The big journey of a tiny snail. *Priroda*, **2**: 10–19. [In Russian].

Vinarski M.V. and Kantor Yu.I. 2016. Analytical catalogue of fresh and brackish water molluscs of Russia and adjacent countries. A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution of RAS, Moscow, 544 p.

Yablokov A.V. 1966. Variability of mammals. Nauka, Moscow, 362 p. [In Russian].

Yukhneva E.D. 2012. The apartment houses of Saint-Petersburg: Essays on everyday life. Tsentrpoligraf, Moscow, 383 p. [in Russian]

Zablotskiy E.M. 1999. "The Geolkom case". In: Gromov V.P. (Ed) Repressed geologists. 3rd edition. VSEGEI, Moscow-Saint-Petersburg, 398–403. [In Russian]

Zhadin V.I. 1923. The variability of *Limnaea stagnalis* in waterbodies of the Murom neighbourhood [part 1]. *Russkiy Gidrobiologicheskiy Zhurnal*, **2**(5–7): 97–106. [In Russian].

Zhadin V.I. 1933. The freshwater mollusks of the USSR. OGIZ-Lensnabtekhizdat, Leningrad, 232 p. [In Russian].

Zhadin V.I. 1952. Mollusca of fresh and brackish waters of the USSR. *Opredeliteli po faune SSSR, izdavaemye Zoologicheskim institutom AN SSSR*, **46**: 1–346. [In Russian].

Zhadin V.I. 1991. My road into hydrobiology. *Trudy Zoologicheskogo Instituta AN SSSR*, **242**: 5–79. [In Russian].

Zykin V.S. 1979. Stratigraphy and unionid mussels of Pliocene of the southern part of the Western Siberian plain. Nauka, Novosibirsk, 106 p. [In Russian].

Zykin V.S. 2002. Stratigraphy and evolution of environments and climate during late Cenozoic in the southern West Siberia. GEO, Novosibirsk, 488 p. [In Russian].

Представлена 22 июля 2019; принята 6 сентября 2019.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Примечания

APPENDIX 1. Notes

[1]Известно, что у ВАЛ была сестра Паулина (в замужестве Neujahr); в честь неё любящим братом был назван новый вид кавказских улиток – *Lauria paulinae* Lindholm, 1913.

[2]Adler (2012: 190) приводит, без ссылки на первоисточник, следуюший факт: «после того, как Линдгольм был крещен в Русской православной церкви, он получил имя Владимир Александр (Владимир Александрович? – М.В.)». Эта информация вызывает сомнения. Во-первых, при переходе из лютеранства в православие повторное крещение не требовалось (хотя смена имени была возможна). Во-вторых, ни в одном из доступных мне автобиографических документов ВАЛ не называет себя Владимиром Александровичем и не упоминает о принятии им православия.

[3]«Описание экскурсий и наблюдений в селе Голубине Курской губернии Ново-Оскольского уезда» (СПбФ АРАН ф. 308, оп. 1, ед. хр. 1).

[4]О характере деятельности Совета Зоомузея красноречиво говорят выписки из протоколов его заседаний. Например, 23.04.1918 г. обсуждалось «Ходатайство лаборатории о выдаче денег для приобретения чая для завтраков. Постановили: Ходатайство отклонить» (СПбФ АРАН, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 2, л. 25), а 09.09.1930 г. на «экстренном заседании» Совета Зоомузея было решено «организовать при ЗМ ячейку по изучению диалектического материализма», а также учредить Комиссию по «популяризационно-издательской работе», в состав которой вошел и ВАЛ (СПбФ АРАН, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 26, лл. 5–6).

[5]Любопытна личность автора этой брошюры. Е.Н. Мальм был левым эсером, террористом, в биографии которого значится, среди прочего, арест в 1916 г. «за экспроприацию кассы казен[ного] вин[ного] магазина и убийство городового». В 1918 г. был замешан в деле об убийстве германского посла Мирбаха. В 1927–1933 гг. работал на Севастопольской биологической станции (Леонтьев [Leontiev] 2016).

[6]Эта конференция сыграла немалую – и неоднозначную – роль в реорганизации ЗМАН и трансформации его в Зоологический институт АН СССР в начале 1930-х гг. По свидетельству П.В. Ушакова на этой «нашумевшей» конференции работы ЗИН «подверглись суровой критике, исследования по систематике ... рассматривались как "инвентаризация фауны", как в значительной степени пройденный этап. Выдвигались новые задачи, в частности "проблема вида", не получившая, однако, должного развития; упор делался на экологию, биоценотические связи, продуктивность» (Ушаков [Ushakov] 2002: 103).

[7]В архиве ВАЛ сохранилась квитанция клиники малых животных ветеринарного врача И.В. Щербаненко от 6 октября 1916 г: «Уничтожена неизлечимо-больная собака, принадлежащая г. Линдгольму, живущему Лахтинская 24 кв 17. 3 р. 50 получено» (СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 2, ед. хр. 226, л. 61).

[8]См. мемориальный сайт «Ленинградский альбом» (http://albomspb.ru/person/cemetery?page=762). Указано А.А. Федотовой.

[9]Приведу выдержку из письма Л.С. Берга, проживавшего в Москве, А.П. Семенову-Тян-Шанскому в Петроград от 20.08.1918 (СПбФ АРАН, ф. 722, оп. 2, ед. хр. 77, л. 71): «Жизнь теперь кошмарная: всё время проходит в поисках пищи; вернулись мы ко временам троглодитов... всё дорожает нестерпимо с каждым днем. Только прокормление моей небольшой семьи стоит не менее 50 руб. в день».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Документы, относящиеся к биографии и научной деятельности В.А. Линдгольма

APPENDIX 2. Documents related to biography and scientific activity of W.A. Lindholm

1. Прошение на имя директора ЗМАН академика Н.В. Насонова (1914 г.)

Рукопись. СПбФ АРАН, ф. 2, оп. 1-1914, ед. хр. 17, л. 105

Его превосходительству Господину Директору Зоологического Музея Импер. Академии наук Академику Николаю Викторовичу Насонову в Петрограде

Прошение

Милостивый государь, Николай Викторович!

Настоящим покорнейше Вас прошу предоставить мне, если возможно, должность зоолога при Зоологическом музее Импер[аторской] Академии Наук. Работая около 15 лет в области малакозоологии и герпетологии, я льщу себя надеждой, что могу быть полезным при систематической обработке коллекций названного Музея.

Прилагая при сем мой curriculum vitae, остаюсь в ожидании Вашего благосклонного ответа.

С искренним уважением В. Линдгольм
Москва, 30-го августа 1914 г.

2. Заявление о непринадлежности к тайным обществам (1916 г.)

Рукопись. СПбФ АРАН, ф. 4, оп. 4, ед. хр. 4640, л. 25

Рапорт

В правление ИАН

Имею честь представить при сем клятвенное обещание и подписку о непринадлежности к тайным обществам В.А. Линдгольма.

23 мая 1916 г.

Текст подписки: «Я, нижеподписавшийся, дал сию подписку в том, что я ни к какой масонской ложе или какому-нибудь тайному обществу ни внутри Империи, ни вне её, не принадлежу, не принадлежал и обязываюсь впредь не принадлежать. Уроженец Великого княжества Финляндского Василий Адольфович Линдгольм».

Примечание. Подобные расписки, которые брались с лиц, поступавших на государственную службу, были введены ещё в первой половине XIX в. В Российской империи масонство было официально запрещено в 1822 г. Почти идентичную по содержанию расписку был вынужден дать в 1847 г. будущий писатель Николай Лесков, поступавший на службу в Орловскую палату уголовного суда (см. Лесков А.Н. *Жизнь Николая Лескова*. Тула, 1981, с. 80).

3. Удостоверение, полученное В.А. Линдгольмом на Лахтинской экскурсионной станции (1920 г.)

Машинопись. СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 25, л. 116

Удостоверение

Дано сие руководителю экскурсий при Лахтинской экскурсионной станции Василию Адольфовичу Л И Н Д Г О Л Ь М У в том, что Экскурсионная Секция Коллегии Единой Трудовой Школы поручает ему, на время отъезда П.В. Виттенбурга, полное заведывание названной станцией, получение следуемых ей денег, подписывание бумаг и т.д. Правильность сего подписью и приложение печати удостоверяется.

<Подписи Председателя и секретаря Экскурсионной секции неразборчивы>

29.07.1920

4. Curriculum vitae учен. хранителя З.М. В.А. Линдгольма (1928 г.)

Машинопись. СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 6, лл. 52-57. Печатается целиком, кроме приложенного к CV списка печатных трудов ВАЛ и ссылок на него в тексте автобиографии

Я, Линдгольм Вильгельм (Василий) Адольфович, родился в Петербурге в 1874 г., где окончил реальное отделение училища св. Анны в 1892 г. Моим учителем по естественной истории был Ф.Г. Гердер (Dr. F.G. von Herder), консерватор бывш. Имп. Ботанического сада.

В 1893–94 г. я производил фаунистические исследования в Каргалинской степи Оренбургского уезда, а в 1896–97 г. в Ново-Оскольском уезде Курской губ., изучая главным образом позвоночных и моллюсков, но собирая попутно жуков и других насекомых. В результате этих исследований появились статьи о пищухе, рептилиях, амфибиях, моллюсках и жизни позвоночных животных названной степи <…> В 1895–96 г. и в 1899–1900 г. я производил отбор материалов по моллюскам тогдашней С. Петербургской губ. и опубликовал новинки для фауны <…>.

Переселившись в 1900 г. в Германию, я занимался в качестве добровольного сотрудника в Естественно-Историческом музее города Висбаден (Naturhistorische Museum der Stadt Wiesbaden) по рекомендации профессора В. Кобельт (Prof., Dr. W. Kobelt) и О. Беттгер (Prof., Dr. O. Boettger), главным образом по систематике и географии рептилий, амфибий и моллюсков, обрабатывая весьма материал по двум первым отрядам, имевшийся в названном Музее. Результатом этой обработки явились каталоги герпетологической коллекции Музея и несколько статей о пресмыкающихся Африки и Новой Гвинеи в органе Висбаденского Музея «Jahrbücher der Nassauischen Verein für Naturkunde» <…>. Одновременно я собирал моллюсков в горах Таунуса и других окрестностей Висбадена и напечатал результаты этих сборов в особой статье в тех же «Jahrbücher» <…>.

Все же мои сборы по жукам и некоторым другим отрядам насекомых, произведенные в Оренбургской, Курской и б. С. Петербургской губерниях и в окрестностях Висбадена я передал впоследствии в 1902 и 1907 гг. Зоологическому Музею Академии Наук.

В 1904 г. по рекомендации проф. В. Кобельта было мне поручено А.А. Коротневым (профессором Киевского Университета) обработка обширного малакологического материала его экспедиции на озеро Байкал в 1900–1902, каковая работа была мною выполнена в Лаборатории Висбаденского Музея и составляет 4-й выпуск «Wissenschaftliche Ergebnisse einer zoologischen Expedition nach d. Baikal See» <…>.

С 1902 г., ещё будучи в Висбадене, я начал обрабатывать по поручению Зоологического Музея Академии Наук материалы по наземным и пресноводным моллюскам названного Музея, собранные персоналом Музея и другими лицами в различных частях нашей страны, так, между прочим, малакологический материал экспедиции бр[атьев] Кузнецовых на Полярный Урал <…>. Музейский материал посылался мне для обработки в Висбаден и впоследствии в Москву, но кроме того, бывая в Петербурге, я неоднократно работал также в стенах Музея (так напр[имер] в январе 1903 г., декабре 1911 г.).

Поселившись в 1907 г. в Москве, я посвятил себя изучению экологии и географии моллюсков русской фауны, производя исследования в Московской губернии <…> и в некоторых частях среднего Поволжья <…>, обрабатывая одновременно также малакологические материалы разных учреждений, как напр. Московского Зоологического музея <…>, Волжской Биологической станции в Саратове <…> и других, а также частных лиц, напр. А.А. Браунера в Одессе <…>.

В 1909 и 1913 г. я совершил две поездки по Крыму с целью собирания и изучения его фауны моллюсков <…>. В 1910 и 1912 г. я производил исследования малакофауны Кавказа, собрав богатый материал по моллюскам Западного Закавказья и Центрального Кавказа <…>.

В 1914 г. я был назначен О.Ф.М. Академии Наук по предложению акад. Н.В. Насонова, директора Зоологического Музея АН, на должность сверхштатного зоолога при ЗМ Академии наук для обработки коллекции пресноводных и наземных моллюсков; в 1916 был я включен в штаты как младший зоолог (ученый хранитель) и в 1918 мне было поручено Советом ЗМ заведывание III Отделением беспозвоночных (Mollusca et Brachiopoda). За это время мною опубликовано по материалам ЗМ из различных частей нашей страны ряд статей <…>, посвященных не только современной, но также ископаемой постплиоценовой фауне моллюсков.

<Следует рукописный перечень опубликованных работ на 4 листах, содержащий 97 наименований>

В.А. Линдгольм состоит действительным членом следующих ученых обществ:

1. Русского Энтомологического Общества (с 1899 г.)

2. Nassauischer Verein für Naturkunde in Wiesbaden (с 1902 г.)

3. Deutsche Malakozoologische Gesellschaft in Frankfurt am Main (с 1902 г.)

4. Комиссии для исследования фауны Московской губернии (с 1907 г.)

5. Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии в Москве (с 1910 г.)

6. Саратовского Общества Естествоиспытателей и Любителей Естествознания (с 1914 г.)

7. Московского Энтомологического Общества (с 1914 г.) (член-учредитель)

8. Русского Географического Общества (с 1915 г.)

9. Русского Палеонтологического Общества (с 1921 г.)

10. Комиссии по исследованию озера Байкала (с 1916 г.)

11. Комиссии по изучению четвертичного времени (с 1927 г.)

17.V.1928
В. Линдгольм

5. Производственный план на 1930–1931 г. III Отделения беспозвоночных (Mollusca, Brachiopoda). Зав. Отд. ст. зоолог В.А. Линдгольм, научн. сотр. II р[азряда] Ц.К. Федерольф (предположительно 1930)

Машинопись. СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 25, л. 116

В.А. Линдгольм.

Научная работа.

1. Ввиду почти полного отсутствия в русской литературе данных о малакофауне нашего Севера и некоторого накопления материалов за последнее время в ЗМ оттуда, предполагается обработка этих материалов, а именно:

а) Моллюски о-вов Северного Ледовитого океана;

б) Моллюски Кольского полуострова;

в) Моллюски Олонецкой экспедиции.

2. Идя навстречу запросам перламутровой (пуговичной) госпромышленности, готовит статью о районах добывания подходящего сырья в пределах СССР.

3. Ввиду того, что завед[ующий] Отделением с 20.07.1930 должен был исполнять административные обязанности директора ЗМ, что неблагоприятно отразилось на его научной работе, он вынужден перенести окончание некоторых предусмотренных на 1929/30 г. работ – на 1930/31 г.

4. Подготовка определителя пресноводных моллюсков Европейской части СССР.

5. Подготовка материалов по сем. Enidae, Clausiliidae и Pupillidae для «Фауны СССР и сопредельных стран».

Кроме того, текущая научная работа по Отделению:

6. Определение и отчасти обработка наземных и пресноводных моллюсков по новым поступлениям.

7. Снабжение советами и литературой занимающихся в Отделении (здешних и приезжих).

8. Письменные и устные справки на запросы отдельных лиц и учреждений по моллюскам СССР.

9. Определение (иногда обработка) коллекций, присылаемых краеведческими и др. провинциальными музеями.

10. Пополнение Выставочного отделения отдельными экспонатами и картами по распространению.

Ц.К. Федерольф

Научная работа.

1. Рассчитывает закончить обработку моллюсков Большеземельской экспедиции (сборы 1906–1908 г.)

Техническая работа

1. Текущий ремонт и доливка выставочных коллекций.

2. Разборка, подсчет и этикетировка новых поступлений.

3. Текущая работа по доливке основной коллекции.

4. Внесение определенных видов в подвижной каталог.

5. Внесение всех поступлений в подвижной географический каталог.

В.А. Линдгольм и Ц.К. Федерольф

6. Составление коллекций для краеведческих и др. провинциальных музеев.

7. Отбор материалов для коллекций, посылаемых в обмен на полученные из заграницы.

8. Полная перепланировка подвижного каталога Gastropoda (подклассы Opisthobranchia и Pulmonata) по новой системе Prof. Dr. J. Thiele.

6. III отделение беспозвоночных (Mollusca). Производственный план на 1933 г.

В. Линдгольма. Черновик (1933).
Рукопись. СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 26, л. 155

Рабочее время распределяется на:

1) сверхплановую нагрузку по редакционно-издательским делам 75%

2) консультационную работу 10%

3) производственную работу 15%

100%

последняя распределяется на:

а) подготовку, проверку и литературную проработку пресноводных Prosobranchia для «Каталога пресноводных и наземных моллюсков СССР» 50%

б) составление глав «Моллюски тундр и лесной области» для издания «Животный мир СССР» 50%

19.02.1933
/В. Линдгольм/

7. Черновик записки о создании Русского малакологического общества (не датировано, вероятно середина 1920-х гг).

Рукопись. СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 33, л. 4.

Старший зоолог, член Р[усского] Энт[омологического] Общ[ества] и т.д. <в тексте пропуск> предполагает организовать Р.М.О., цель которого – всестороннее исследование наземных, пресноводных и морских моллюсков, преимущественно русской фауны, устройство библиотеки, музея и снаряжения специальных научных экскурсий, и приглашает лиц, желающих быть учредителями общества или вступить в число его членов, обращаться по следующему адресу <пропуск>

После того как 10(20) лиц изъявят согласие быть учредителями Общ[ества], будет созвано организационное собрание, на котором будут выработаны устав Общества] и правила внутренней жизни его, касательно библиотеки, музея и т.д.

8. Заявление Дарьи Ивановны Линдгольм в ЖАКТ (1932 или 1933 г.)

Рукопись. СПбФ АРАН, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 26, л. 53. На обороте заявления рукой В.А. Линдгольма сделаны выписки из научной публикации

В Жакт им. 13 годовщины Октября гр. Дарьи Ивановны Линдгольм, прож[ивающей] по Лахтинск. ул., 24, кв. 17

Заявление

Остро нуждаясь в Дамских туфлях и трикотажной кофточки (так! – М.В.) прошу выдать мне, как домохозяйке, ордер на туфли и трикотаж.

Д. Линдгольм

Резолюция: «Отказано – коопбюро».